

Региональная общественная организация
«Сообщество профессиональных социологов»

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ СПЛОЧЕННОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ

Коллективная монография

Под редакцией Н.Е. Покровского и М.А. Козловой

2015

Москва

Университетская книга

УДК 315.454.4
ББК 60.55
П48

Книга издана при поддержке Российского научного фонда, грант
№ 14-18-03784. Проект «Многообразие видов социокультурной сплоченности
в условиях российских реформ: концептуализация и квалиметрия»

Коллектив авторов

Баранова А.А. (раздел 4), Волкова Е.Д. (глава 8), Гофман А.Б. (глава 1),
Карпова Е.Ю. (глава 8), Козлова М.А. (главы 8, 10), Кононенко Р.В. (глава 8),
Лазебная К.П. (глава 6), Маркина В.М. (глава 9), Николаева У.Г. (главы 3, 4),
Николенко Я.В. (глава 8), Покровский Н.Е. (глава 5), Присяжнюк Д.И. (раздел 4),
Рожкова О.А. (глава 9), Симонова О.А. (главы 2, 7), Слободенюк Е.Д. (глава 8),
Ярская-Смирнова В.Н. (раздел 4), Ярская-Смирнова Е.Р. (раздел 4)

Покровский Н.Е.

П48 Социально-культурные практики сплоченности в современном
обществе / Под ред. Н.Е. Покровского и М.А. Козловой – Москва:
Университетская книга, 2015. – 372 с.

ISBN 978-5-98699-176-4

Обсуждаются подходы к концептуализации категории социальной сплоченности. Анализируется история ее использования в социальных науках, в частности в русской социологической традиции. Сплоченность проблематизируется в контексте современного российского общества через обращение к категориям солидарности, инклюзии, дезинтеграции и конфликта. С опорой на эмпирический материал раскрывается конфигурация факторов и разнообразие форм сплоченности в российском контексте, анализируются механизмы и факторы интеграции и разобщенности на разных уровнях социальной организации и коммуникации.

Для ученых и специалистов в области социологии, особенно изучающих эволюцию социальных идей, актуальное состояние и перспективы развития современных обществ. Может использоваться в учебном процессе при подготовке социологов, культурологов, а также студентов социально-гуманитарного профиля. Представляет интерес для интеллектуальных кругов читателей.

УДК 315.454.4
ББК 60.55

© Коллектив авторов, указанных
на обороте титульного
листа, 2015

© Университетская книга, 2015

ISBN 978-5-98699-176-4

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Раздел 1	
Сплоченность как объект теоретико-социологического анализа	10
Глава 1. Концептуальные подходы к анализу социального единства	10
Глава 2. Современные дискурсы и исследования социальной сплоченности: обзор основных тенденций	24
Глава 3. Индивидуализм и социальная сплоченность. Анализ моделей Homo economicus и Homo sociologicus в экономике и социологии	42
Глава 4. Основания и модели социальной сплоченности в дорыночных обществах	81
Раздел 2	
Концептуализация сплоченности в русской социологической мысли	128
Глава 5. Концепции солидарности и сплоченности в русской социально-философской традиции: социальное учение П.А. Кропоткина	126
Глава 6. Социокультурное единство в контексте теории «символического» П.А. Сорокина: сплоченность, интеграция, когерентность	160
Раздел 3	
Моральные аспекты сплоченности	186
Глава 7. Моральные эмоции и социальные объединения.....	189
Глава 8. Многообразие моральных ориентиров как основание типологии форм социальной сплоченности	208
Раздел 4	
Социальная инклюзия и сплоченность в школьном образовании: политика и практика.....	250
Раздел 5	
Репрезентация сплоченности и инклюзии в публичном пространстве	284
Глава 9. Типы групповой сплоченности в аспекте анализа стратегий репрезентации Других в печатных СМИ и на примере мигрантов	288
Глава 10. Просто о непростом: репрезентация инклюзии и сплоченности в учебной книге	314
Литература	339
Сведения об авторах	365

Раздел 5. Репрезентация сплоченности и инклюзии в публичном пространстве

Разделение на Своих и Чужих - черта многих обществ, существующая, вероятно, с того момента, когда люди по каким бы то ни было причинам начали объединяться в группы, осознавать себя как *группу*, и осознавать других, не входящих в их сообщество как Чужих. Психологическое размежевание с какими-то Они, то есть, внешними по отношению к данной общности людьми оказывается древнейшим принципом конституирования человеческой общности¹. Для того, чтобы появилось субъективное Мы, требовалось повстречать и обособиться с некими Они. Иначе говоря, понятие Они первичнее, чем понятие Мы. Я.В. Чеснов отмечает этот факт в предэтнонимах – являвшихся еще, скорее, нарицательными, нежели собственными древнейших обозначениях неустойчивых локальных групп охотников, собирателей и архаических земледельцев. Так, у тлинкитов члены фратрии называли друг друга аххани (земляк) или ахгакау (приятель) а членов другой фратрии — кунетеканаги (не наш, чужой), но в глаза их именовали ахсани (дядя) или ахкани (зять шурина); у банаров, развитого земледельческого народа в Южном Вьетнаме, население ближайших деревень себя называет таринг (свои), других — тамон (чужие); у аранда них есть две группы которые себя называют шкракиа а соседей мульянука, зато соседи себя называют накракиа, а эти две группы — мульянука. С исторической семантикой Свои лингвисты связывают и этноним славяне². Иногда сознание Мы может быть очень слабо выражено и вовсе отсутствовать при ясно выраженном осознании того, что есть Они. Однако с тех пор как появились первые институциональные сообщества, отличающиеся друг от друга по различным параметрам, пропасть между Своими и Чужими увеличивалась ввиду того, что Чужой – всегда источник тревоги, возможный «провокаатор», возможный нарушитель устоявшегося уклада жизни группы³.

Уже более пятидесяти лет – а именно, с появления в 1960-х годах теорий групповой идентичности⁴ и самокатегоризации⁵ - исследователи принимают специфику

¹ Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М.: Фэри-В, 2006. 640 с.

² Чеснов Я.В. Лекции по исторической этнологии. М.: Гардарики, 1998. 400 с. Сс. 105-116.

³ Зиммель Г. Чужак // Социологическая теория: история, современность, перспективы / А.Ф. Филиппов (ред.) СПб.: Владимир Даль, 2007. С. 237-271; Гудков Л. Негативная идентичность // К теории врага. Авторский сборник. М.: Новое литературное обозрение, 2004/ Эл. ресурс: <http://psyfactor.org/lib/gudkov1.htm#2> (дата обращения: 17.04.2015); Ушаков Д.В. Введение: Проблема чуждого и чужого в трудах немецких социальных психологов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. Т. 1. №1. С. 20-23.

⁴ Сушков Н.П. Социально-психологическая теория Дж. Тернера // Психологический журнал. 1993. Т.14. №3. С.115-125.

⁵ Turner J.C., Hogg M.A., Oakes P.J., Reicher S.D., Wetherell M.S. Rediscovering the social group: A self-categorization theory. Oxford: Oxford University Press, 1987. 480 p.

межгруппового взаимодействия в качестве фактора, детерминирующего индивидуальное восприятие и поведение, и ориентируются на построение объяснительных моделей, раскрывающих смысл, сопутствующие и предшествующие факторы и последствия проявления тех эффектов социальной перцепции, которые актуализируются в ситуации, когда действующий индивид, сознавая собственную групповую принадлежность, сталкивается с членами другой социальной группы. В соответствии с первой из упомянутых – теорией социальной идентичности – аутгрупповая дискриминация является вторичным, и по сути, «вспомогательным» механизмом поддержания позитивной групповой идентичности, которая, в свою очередь, позволяет индивиду поддерживать высокую самооценку через демонстрацию себе и окружающим достоинств той группы, принадлежности к которой индивид осознает: «мы приписываем большую ценность свойствам, принадлежащим нашей группе, по сравнению с другими, чтобы удовлетворить свою потребность в поддержании благоприятного образа себя»⁶. Вторая – теория самокатегоризации – отличается от теории социальной идентичности выраженным акцентом на когнитивных аспектах. Согласно этому подходу, в основе межгруппового восприятия лежит факт отнесения окружающих к той или иной социальной группе на основе определения сходств и различий между ними – процесс социальной категоризации⁷. Межгрупповая дифференциация приводит к таким перцептивным и поведенческим следствиям как осознание членами группы своего единства, увеличение их сопротивления воздействию аутгруппы и отказ от контактов с ее представителями⁸: «ингрупповой фаворитизм возникает даже тогда, когда испытуемые делятся на группы по чисто формальному признаку – цвету бантика в петлице»⁹.

Эффект межгрупповой дифференциации, по сути – первичный в процессе межгруппового взаимодействия, реализуется, собственно, на том этапе, когда взаимодействие идентифицируется как межгрупповое, предполагает оценку индивидом членов разных групп как малопохожих¹⁰. Однако если Тэшфел и Тернер определяют «чужое» - как «то, что относится к аутгруппе», то Б. Шефер идет дальше – разделяет «чужое» и «чуждое»: «Чужой означает принадлежность чему-то другому, Чуждый -

⁶ Ушаков Д.В. Введение: Проблема чуждого и чужого в трудах немецких социальных психологов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. Т. 1. №1. С. 20-23. С. 21.

⁷ Haslam S.A., Turner J. Context dependent variation in social stereotyping 2: The relationship between frame of reference, self-categorization and accentuation // European Journal of Social Psychology. 1992. Vol. 22. P. 251-277.

⁸ Reicher S.D. The battle of Westminster: Developing the social identity model of crowd behavior in order to explain the initiation and development of collective conflict // European Journal of Social Psychology. 1996. Vol. 26. P. 115-134.

⁹ Ушаков Д.В. Введение: Проблема чуждого и чужого в трудах немецких социальных психологов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. Т. 1. №1. С. 20-23. С. 22.

¹⁰ Vonk R., Olde-Monnikhof M. Gender subgroups: Intergroup bias within the sexes // European Journal of Social Psychology. 1998. Vol. 28. P. 37-47.

несоответствие нашим ценностям»¹¹. Индивид может быть нам чужим, но его ценности могут быть не чужды нам. С. Кин термин Чужой приравнивает к «архетипу врага»¹². Но, если от врага «исходит смертельная опасность», то чужой, посторонний несет «угрозу базовым ценностям общества»¹³. Выстраивается следующая схема понятий, расположенных в порядке возрастания «жесткости» барьеров для входа в группу: Свой – Другой – маргинал – Чужой – враг. Чужие – это те, кто исключен из общества, но одновременно, значимы для существования этого общества¹⁴: хотя бы для того, чтобы очертить границы «своего».

Одним из основных принципов формирования категории Свои является эксклюзия, как наиболее действенный способ сплочения группы через актуализацию чувства ненависти к непохожим – Чужим¹⁵. Определение границ Своего, принципов и оснований включения/исключения, непосредственно затрагивает социальные идентичности, становится предметом межгруппового взаимодействия и противостояния. Масштабные культурные трансформации, инициируемые разными социальными силами, неизбежно порождают многочисленные очаги противоборств в различных областях общественной жизни. В этой связи в социальных науках широкое распространение получила концепция культурных войн, вырастающая из трактовки фундаментальных культурных трансформаций как источника социальной напряженности и конфликтов¹⁶. Согласно этой концепции формирующиеся и крепнущие в ходе радикальных культурных преобразований антагонистические начала инициируют войну, затрагивающую не только идеологический пласт социальности, но и более глубокие уровни значений: символы, мифы, а также институциональные структуры, которые поддерживают культуру. Если в прежние исторические эпохи антагонизм имел религиозную природу, разделяя христиан и евреев, протестантов и католиков, то линии напряженности и конфликта, проложенные в XX веке, «религиозны» не по содержанию – предмету – разногласия, но по своему характеру. Они формируются вокруг концепций «морального», предопределяющих и

¹¹ Шеффер Б., Скарабис М., Шледер Б. Социально-психологическая модель восприятия чужого: идентичность, знание амбивалентность. // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. №1. С. 24-51.

¹² Keen S. Faces of the Enemy: Reflections on the Hostile Imagination. San Francisco: Harper & Row, 1986. 200 p. цит. по: Гудков Л. Негативная идентичность // К теории врага. Авторский сборник. М.: Новое литературное обозрение, 2004 / Эл. ресурс: <http://psyfactor.org/lib/gudkov1.htm#2> / (дата обращения: 17.04.2015).

¹³ Гудков Л. Негативная идентичность // К теории врага. Авторский сборник. М.: Новое литературное обозрение, 2004 / Эл. ресурс: <http://psyfactor.org/lib/gudkov1.htm#2> / (дата обращения: 17.04.2015).

¹⁴ Зиммель Г. Конфликт современной культуры, 1918 // Зиммель Г. Конфликт современной культуры // С.Я. Левит (ред.), Культурология. XX век. М.: Юрист, 1995. С. 383-389.

¹⁵ Блумер Г. Коллективное поведение // В.И. Добреньков (ред.), Американская социологическая мысль: Тексты. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 90-115.

¹⁶ См., например: Hunter J.D. Culture Wars. New York: Basic Books. 1991. 416 p.; Hunter J.D., Wolfe A. Is there a Culture War? A Dialogue on Values and American Public Life. Washington, DC: Brookings. 2006. 118 p.

специфическое видение/оценку мира, и, посредством социальных символов и коллективных ритуалов, – способы действия в нем. Области культурного конфликта, по сути, формируют социальную реальность, захватывая базовые социальные институты (семью, искусство, СМИ, образование, религию, право, политику), поскольку победа в войне дает возможность диктовать условия построения социальности: понимание природы человеческой жизни, свободы, справедливости и сообщества.

Руководствуясь этими соображениями, мы обращаемся к проблеме репрезентации сплоченности и инклюзии в публичном – педагогическом и медийном – дискурсе. Фокус социологического подхода к анализу дискурса задает М. Фуко, тесно связывавший дискурс и власть, полагая, что масс-медиа находятся в прямой зависимости от формируемого системой «режима видения», так называемой «оптики»; «в фукодианской системе координат взгляд, видимость, визуализация рассматриваются в их взаимосвязи с властью, знанием и производством субъекта в эпоху современности»¹⁷. Ван Дейк справедливо отмечает, что, хотя «дискурс», представляя собой «просто слова», не может физически покалечить, тем не менее, играет ключевую роль в воспроизводстве неравенства¹⁸. Именно посредством высказываний представителей политических, медийных, образовательных и научных элит контролируются важнейшие аспекты повседневной жизни. Дискурс, формирующийся в результате обсуждения, основанного на доминировании интересов одних групп и замалчивании мнений других, носит внешний и зачастую дискриминационный характер по отношению к «угнетенной» группе. «Режим видения» навязывает общественности угол зрения, правила изображения и восприятия угнетенной группы¹⁹.

¹⁷ Орлова Г. «Карты для слепых»: политика и политизация зрения в сталинскую эпоху // Е. Ярская-Смирнова, П. Романов (ред.), Визуальная антропология: режимы видимости при социализме. М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2009. С. 57–105. С. 58.

¹⁸ Ван Дейк Т. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Либроком, 2013. 344 с.

¹⁹ Маркина В.М. Политика репрезентации людей с синдромом Дауна в современной публичной сфере // Е. Р. Ярская-Смирнова, П. В. Романов (ред.), Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2013. С. 187–207. С. 189.

Глава 9. Типы групповой сплоченности в аспекте анализа стратегий репрезентации Других в печатных СМИ на примере мигрантов

Важный аспект изучения репрезентаций Других связан с признанием того факта, что «каждый человек живет в мире, социально сконструированном Другими»²⁰. Образ Другого в концепции социального конструкционизма - то, что создается в процессе конструирования социальной реальности, во взаимодействии индивидов между собой и областью репрезентаций²¹. Стратегии репрезентации Других указывают на преобладающие в общественном сознании ценности, убеждения, воспроизводимые посредством рутинных практик. Именно поэтому все изображения Других, укорененные в коллективном сознании и транслируемые в СМИ, «какими бы дискриминационными и предвзятыми они ни были», носят не случайный характер, а являются частью процесса конструирования социального порядка, выступая «кирпичиками взаимодействия, фундаментом социальной сплоченности»²². Недаром ряд ученых подчеркивают прямое влияние масс-медиа репрезентаций на формирование социальной сплоченности, рассматривая высокую степень интолерантности общественного сознания в качестве наиболее опасного фактора дезинтеграции общества²³. Современные медиа – «важнейшие агенты в публичном процессе конструирования, оспаривания или поддержания дискурса сплоченности, интеграции, толерантности и международного взаимопонимания»²⁴. Они играют центральную роль в конструировании социальной реальности, выступая площадкой нормализации. Посредством медиарепрезентаций реализуется значимая практика производства общепринятых представлений и смыслов, особенно тех, что носят идеологические коннотации. Репрезентации также могут как отражать негативные последствия политических и социальных решений, так и влиять на них, усугубляя существующее социально-политическое неравенство²⁵.

²⁰ Рягузова Е.В. Личностные репрезентации взаимодействия «Я - Другой»: социально-психологический анализ: дис. д-ра психол. наук. Саратов: Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, 2012. 470 с. С. 20-21.

²¹ Moscovici S. The phenomenon of social representations // In Duveen G. (ed.), Social representations: explorations in social psychology. S. Moscovici. New York: New York University Press, 2000. P. 18–77.

²² Омельченко Д.А., Авдеева Г.С, Суртаева О.В., Черепанова М.И. Конструирование образа «другого» в социальных представлениях населения России: теоретические аспекты // Журнал Известия Алтайского Государственного Университета. 2015. Т. 1. № 3 (87). С. 187-188.

²³ Семёнова А.В., Корсунская М.В. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения. М.: Институт социологии РАН, 2010. 324 с.

²⁴ Fursich E. Media and the representation of Others // International Social Science Journal. 2010. Vol. 61. Issue 199. P. 113-130. P. 113.

²⁵ Hall S. Representation: Cultural Representations and Signifying Practices (Culture, Media and Identities Series). London: Sage Publications & Open University, 1997. 410 p.

В глобализованном мире очень важно изучать репрезентации культурного многообразия в разных странах. На протяжении последней четверти века исследования в рамках критической культур-парадигмы занимаются анализом роли медиа в поддержании проблематики стереотипов в адрес меньшинств непривелигированных, уязвимых групп, исключаящих их из дискурса, лишаящих голоса или в значительной степени ограничивающих образы и контексты репрезентаций. Медиа посредством различных площадок нередко изображают меньшинства как отличающиеся, экзотические, особые, ненормальные сущности²⁶. Как подчеркивает Б. Андерсон, социальная интеграция часто конструируется негативным путем: через подавление региональных, локальных интересов, ограничение доступа меньшинств и уязвимых групп к производству значений, а также посредством отчуждения отдельных индивидов и групп за границы национального сообщества²⁷.

Отчуждение в репрезентациях может проявляться в нескольких формах. В одном случае, когда меньшинства конструируются как другой народ (группа) с использованием механизмов отчуждения, как инаковые по этническому, лингвистическому, расовому, религиозному, сексуальному признакам. Во втором случае, когда механизмы отчуждения используются для объяснения международных (межгрупповых) отношений, конфликтов с Другими. И третья форма проявляется, когда в качестве другого репрезентируется индивид, т.е. конструируется персонифицированный Другой. Тут нужно учесть, что с одной стороны, безусловно, на репрезентации Другого влияют атрибуты группы, к которой его причисляют, или особенности межгрупповых отношений, но с другой стороны, его образ - уникальная комбинация свойств, присущих именно этому индивиду, совокупность оснований для отчуждения. Инаковость, сконструированная таким образом, носит более адресный характер, хоть и может распространяться на группу, а отчуждение в этом случае наиболее схоже со стигмой.

Отношение к многообразию Других как фактор социальной сплоченности

Разделение на Своих и Чужих и создание сопутствующих дихотомий – это упрощенная и привычная матрица бинарного мышления, которая используется для номинации и упорядочивания социального пространства²⁸. Инструментами конструирования, а затем вытеснения и подавления «другости», «инаковости»,

²⁶ Fursich E. Media and the representation of Others // International Social Science Journal. 2010. Vol. 61. Issue 199. P. 113-130. P. 116.

²⁷ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. 288 с.

²⁸ Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390с.

«нетипичности» выступают культурные институты и средства масс-медиа²⁹. Репрезентации Другого в доминантной культуре связаны, как подчеркивает М. Фуко, с (вос)производством властных отношений: в дискурсе заложен потенциал отчуждения, который запускается алгоритмом политики репрезентации. Стремление власти контролировать Других, каталогизировать и стереотипизировать их черты и свойства, классифицировать их поведение по основанию приемлемости и неприемлемости реализуется путем конструирования бинарных разделений, стереотипов и ярлыков (здравомыслящий - безумный, нормальный – аномальный) и предписания подчиненному объекту инструкций относительно того, кем он является, а также того, что и как он должен делать³⁰.

По контрасту с такими «двоичными» схемами социальных отношений, в парадигме постмодерна социальная реальность представляет собой мультикультурную среду - гетерогенную, полицентричную, с множеством локальных идентичностей, где социальные группы не просто заслуживают равенства, но и возможности сохранения за собой своей инаковости³¹. Поэтому единой системы ценностей, на основе которой устанавливается социальная сплоченность в ее традиционном понимании, в постмодерне просто не существует³².

Толерантность и доверие к социальным группам и институтам являются важными компонентами модели социальной сплоченности³³. Ф.Фукуяма указывает на существование обратной пропорциональной связи между уровнем сплоченности группы «своих» и степенью враждебности по отношению к Чужим в сообществах с репрессивной моралью, где установлены четкие границы между Своими и Чужими³⁴. Другой, таким образом, предстает неотъемлемой частью картины мира, выступает основой для самоидентификации, обнаружения самобытности собственной группы, позволяет определить границы между своей группой и чужой³⁵.

В центре нашей работы - мигранты, люди, приехавшие в новую для себя социальную, политическую, экономическую и культурную среду в силу различных

²⁹ Ярская-Смирнова Е.Р. Социокультурный анализ нетипичности. Саратов: СГТУ, 1997 / Эл. ресурс: <http://socpolicy.ru/wp-content/uploads/2010/07/SociokultAnalizNetipichnosti.pdf>. (дата обращения 28.02.2015)

³⁰ Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 479 с.

³¹ Rogers M.F., Ritzer G. (eds.), *Multicultural Experiences, Multicultural Theories*. New York: The McGraw-Hill Companies Inc., 1996. 438 p.

³² Лэш С., Урри Дж. Хозяйства знаков и пространства (введение) // Экономическая социология. 2008. Т. 9. № 4. С. 49-55; Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

³³ Jenson J. Mapping social cohesion: The state of Canadian Research. Canadian Policy Research Networks Inc., 1998.

³⁴ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: Ермак, 2004. 730 с.

³⁵ Максимова С.Г., Авдеева Г.С., Ноянзина О.Е., Гончарова Н.П., Трофимова Р.А., Удоденко А.А. Образ «другого» как структурный компонент национальной идентичности: конструктивистская парадигма // Известия Алтайского государственного университета. 2014. Т. 2. № 2 (82). С. 248-252.

обстоятельств. Зачастую они - носители иных взглядов и вероисповедания, традиций и паттернов поведения. Отношение к мигрантам в стране приема многое говорит о социальной сплоченности ее граждан.

Есть мнение, что увеличение социокультурного разнообразия вредит социальной сплоченности. Такое восприятие основано на том, что слишком сильная разница (“too different or different enough”) в базовых ценностях может угрожать национальной идентичности³⁶. Поэтому мигранты часто отождествляются с проблемами неравенства, безработицы, разобщенности, что приводит к репрезентации их в дискурсе как опасных, угрожающих, препятствующих социокультурной сплоченности. Дезинтегрированность мигрантов с обществом представляется как их собственная вина, вследствие неприятия общих базовых ценностей, нежелания ассимилироваться. Однако совместное мирное сожительство и процветание может быть построено не только на основе ассимиляции Других. Оно возможно за счет кооперации «местных» и «приезжих», то есть в случае, когда ключевой становится не установка «сплотимся против», а «объединимся за». В связи с этим можно говорить, что существует два вида социальной сплоченности: *слабая* и *сильная*³⁷ (таблица 1).

В рамках слабой, многообразие непохожих культур воспринимается как проблема и угроза, ради достижения сплоченности происходит отчуждение Других, инаковость исключается. В качестве главных идей слабой сплоченности могут выступать идеи расизма, национализма, стремления к равенству при распределении власти и ресурсов между группами не наблюдается. Сильная сплоченность, напротив, отвергает националистические идеи, базируется на принципе разнообразия. Можно сказать, что сильная сплоченность является инклюзивной, то есть любые группы Других принимаются с их различиями и включаются в общество.

Таблица 1 - Типы социальной сплоченности и отношение к Другим

Модель слабой сплоченности: отчуждение Других	Модель сильной сплоченности: инклюзия Других
Исключение инаковости, восприятие многообразия как угрозы	Принятие многообразия инаковых, непохожих в качестве нормы
Стремление к порядку (гомогенизации, ассимиляции). Унифицированные стандарты общих ценностей или	Признание гетерогенности, различий, изменчивости идентичностей. Стремление к соц. справедливости, борьба с неравенством

³⁶ Goodhart D. Too diverse? // Prospect, February 2004 / Available at: <http://www.prospectmagazine.co.uk/features/too-diverse-david-goodhart-multiculturalism-britain-immigration-globalisation> (accessed: 17.04.2015).

³⁷ Vasta E. The controllability of difference: Social cohesion and the new politics of solidarity // Ethnicities. 2010. Vol. 10. № 4. P. 503-521.

национальной идентичности	вследствие доминирования одной группы
Доминирование властного дискурса (нормативность, ориентализм, расизм)	Полидискурсивность, политекстуальность, репрезентация голоса Других

В соответствии с тем, какой тип сплоченности превалирует в обществе, будут различаться и способы говорения о Других, стратегии их публичного представления и оценивания. Так, например, при сильной социальной сплоченности акцент будет делаться на успешных историях отдельных людей, выражать стремление показать Других как полноценных членов общества, способных приносить ему пользу. Напротив, при слабой сплоченности изображение Других будет носить негативный характер, группа будет представляться гомогенной («все на одно лицо»), поступок одного члена группы Чужих будет приписываться как типичный для всех ее представителей. Модели репрезентации Других в обществах с разными типами сплоченности представлены в таблице 2.

Таблица 2 - Модели репрезентаций Других и типы сплоченности общества

Модель слабой сплоченности	Модель сильной сплоченности
формы морального регулирования в языке	
Запрещающее (тормозящее плохое)	Рекомендательное (активизирующее хорошее)
механизмы репрезентации Других	
• Нормализация • Гомогенизация, усреднение • Объективизация • Пассивность • Пристыживание, обвинение • Противопоставление • Анонимизация, • Деконтекстуализация • Высмеивание угнетаемых • Ирония, цинизм • Замалчивание конфронтаций • Страх, враждебность • Жалость • Раздражение и презрение • Демонизация, очуждение • Иерархия	• Харизматизация • Гетерогенность • Субъективный опыт • Активность • Гордость, защита • Единение • Авторство • Включенность во все основные контексты • Высмеивание угнетателей • Серьезность подачи • Репрезентация как способных к борьбе • Безопасность, близость • Восхваление • Одобрение • Экзотизация без дистанцирования • Равенство

Проведение аналитического обзора теоретических и эмпирических исследований позволило нам составить перечень признаков, указывающих на сам факт отчуждения Других, и на применяемые механизмы отчуждения в текстах и визуальных образах, транслируемых СМИ³⁸.

Во-первых, инаковость, непохожесть нарочито подчеркиваются, превращаются в тексте в сущностные различия между изображаемыми и говорящими (создается «уничижительная разница»³⁹). При этом усиливается социальная дистанция с репрезентируемой группой «Других» за счет прочерчивания четких границ наше/ не наше, подчеркивания «нежелательности» группы и выстраивания жесткой иерархии.

Во-вторых, гетерогенные социальные группы представляются в качестве гомогенной категории Другие. Личный опыт и переживания изображаемого не демонстрируются, так как они оцениваются в рамках нормативной системы - нормализуются, лишаясь уникальности. Своеобразие и непохожесть Другого обесценивается, воспринимается как недостаток и отклонение.

В-третьих, высказывание о Другом теряет автора, анонимизируется. Происходит обращение не от конкретного говорящего, а как бы в целом от группы Своих с ее нормативными ориентирами к другой группе, к категории людей, а не к конкретному человеку.

В-четвертых, группа, индивид или их поведение представляются в оценочных суждениях, выстроенных в форме бинарных оппозиций (хороший/ плохой, нормальный/ ненормальный, правильно/ неправильно, опасный/ безопасный и др.), где негативный полюс чаще всего приписывается Другим, а положительный - собственной группе (механизм выстраивания идентичности по принципу Свой-Чужой).

Наконец, группа или индивид подвергаются процессам пристыжения, обвинения, унижения, «символического» насилия, угнетения (которые сводят любые попытки протеста и сопротивления к нулю). При этом изображенный лишается субъектности, позиции и голоса, способности выразить собственный опыт переживания (игнорируется либо становится объектом).

В свою очередь отсутствие признаков отчуждения в тексте говорит о готовности принятия Другого, возможности установления диалога на равных. Все выделенные нами

³⁸ См. подробнее: Маркина В.М. Механизмы производства инаковости в дискурсе: теория и методология анализа (на примере одного кинотекста) // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13. № 1. С. 49–64.

³⁹ Брайдотти Р. Различие полов как политический проект номадизма / Е. Здравомыслова, А. Темкина (ред.), Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. СПб.: «Дмитрий Буланин, 2000. С. 220-250.

механизмы и способы эксклюзии, а также стратегии сопротивления отчуждению представлены в таблице 3.

Таблица 3 - Механизмы и способы эксклюзии и сопротивления отчуждению

Признаки и механизмы отчуждения	Способы сопротивления отчуждению:
Разделение, дистанцирование, противопоставление,	Взаимосвязанность, диалог:
Стандартизация, генерализация, упрощение, гомогенизация,	Гетерогенность, переход к полисемии,
Поляризация, стереотипизация, бинаризм	Субверсия, позитивная разница
Позиция авторитета, установление властной иерархии, подчинение:	Деконструирование дискурса подчинения, деиерархизация, равноценность:
Нормализация, патологизация, маргинализация	Харизматизация, достоинство и ценность аутентичности
Демонизация, алиенация, дегуманизация, деперсонализация, экзотизация, мистификация (налет таинственности, скандал, сенсация)	Герменевтическое понимание, эмпатия, погружение в личный опыт, подача от первого лица, экзотизация без дистанцирования, корректность, взвешенность
Объективация (эротизация, феминизация, изнасилование)	Субъективный опыт, уход от субъект-объектных отношений, равноценность инаковости
Эстетизация (как сокрытие недостатков, коммерциализация)	Эстетизация без подчинения (корректность, субверсия недостатков в особенности)
Деконтекстуализация (замалчивание проблем, конфликтов - игнорирование)	Включенность в контексты, полиаспектность, критичность, рефлексия
Анонимизация, лишение авторства	Авторство, ответственность, голос Другого
Пассивность, инфантилизация, жалость	Активность, Способность к борьбе, зрелость, самостоятельность, подчеркивание достоинств
Пристыжение, обвинение, предостережение (страх, враждебность, агрессивность), раздражение и презрение	Достоинство, защита, одобрение, принятие, гордость, Безопасность, близость, адекватность
Высмеивание угнетаемых, ирония, цинизм	Высмеивание угнетателей или серьезность подачи

Мигранты как Другие

По мнению О. Белохвостовой, именно иммигранты, в наибольшей степени могут претендовать на роль Других в современном российском обществе. Как выявляет она в своем исследовании производства и потребления символов инаковости, характерная черта

репрезентаций мигрантов в официальном российском дискурсе - это отождествление их с преступниками. Она подчеркивает, что формирование представлений о мигрантах является элементом политической игры, политического дискурса, который задается высказываниями и действиями значимых политических фигур — государственных служб, диаспор и СМИ (преимущественно телевидения). В ходе эксперимента Белохвостова обнаружила, что участники исследования не могут по предложенным фотографиям политиков и чиновников определить их национальную (этническую) принадлежность. Оказалось, что в процессе идентификации участники эксперимента больше обращают внимание на культурные особенности и «типичное» поведение представителей инаковых групп, а не на черты их внешности, нередко упоминая о преступных наклонностях людей других национальностей, о которых они слышали из СМИ⁴⁰. Следовательно, можно говорить о влиянии СМИ на процесс конструирования образа мигранта как Другого, который может становиться негативным только на основании принадлежности человека к группе инаковых.

Репрезентации Других, таким образом, рассматриваются в нашем исследовании как поле пересекающихся значений и характеристик, которыми наделяются различные социальные группы по причине их инаковости, и зачастую противопоставляемые Своим. Образ Другого, репрезентируемый в СМИ, оценивается нами не как объективный или истинный, а как сконструированный, не с точки зрения точности его соответствия «оригиналу», а с точки зрения его укорененности, разнородности или гомогенности. Об «оригинале» как таковом, речь не идет, ведь как указывает Э. Саид, репрезентации Другого, на самом деле больше говорят о тех, кто его изображает, кто является создателем высказывания, а не о самом Другом. Так, в ориенталистском дискурсе репрезентации Востока - это образ того, чем Запад не является⁴¹.

Образ мигранта - снимок, запечатленный и транслируемый медиа, и стал объектом нашего исследования.

Исследование стратегий репрезентации мигрантов как Других в печатных российских СМИ

Общественное мнение о мигрантах: опросы и репрезентации СМИ

Регулярные исследования восприятия приезжих, проводимые Левада-Центром, выявляют неустойчивое, скачкообразное отношение к мигрантам в российском

⁴⁰ Белохвостова О. Производство и потребление символов «инаковости» в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. 10. № 1. С. 160-166.

⁴¹ Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006. 636с. С. 37.

обществе⁴². Так, например, в октябре 2013 года 73% опрошенных ратовали за выдворение нелегальных мигрантов за пределы России и 78% в принципе высказывались за необходимость ограничения въезда в страну иностранных граждан. Это были самые высокие показатели изоляционистских настроений за последние 10 лет. Однако в последующие два года ситуация поменялась, если не кардинально, то значительно. Доля выступающих за ограничение въезда иностранцев в Россию сократилась до 72% в 2014-м и 68% в 2015-м. При этом за выдворение нелегальных мигрантов в 2014 году высказалось 64% опрошенных, а в 2015-м и того меньше - 43%. Важно, что в 2015 году уже 41% россиян считает, что нелегальным мигрантам нужно помогать получить работу и ассимилироваться в России.

Вероятно, изменения в отношении россиян к мигрантам обусловлены переменами в информационном поле, в направленности дискурса о приезжих в сообщениях средств массовой информации, из которых граждане чаще всего черпают информацию о мигрантах. 2013 год запомнился антимигрантскими выступлениями и даже беспорядками в Москве, повлекшими за собой новый виток кампании по выдворению нелегальных мигрантов. Поводом для обострения ситуации тогда стало резонансное убийство москвича Егора Щербакова приезжим из Азербайджана в Западном Бирюлево. В 2014 и 2015 году дискурс о приезжих был наполнен сообщениями о необходимости поддержки беженцев и переселенцев из Украины, которым помогают обустроиться в России. В связи с поменявшимся акцентом сообщений в СМИ и общественно-политическим контекстом изменилось и мнение некоторых россиян о мигрантах.

Организация исследования: процедура контент-анализа репрезентаций мигрантов

Наше исследование предполагало анализ и типологизацию репрезентируемых образов мигрантов в материалах российских печатных изданий. СМИ как ключевой канал производства, воспроизводства и распространения информации существенно влияет на общественное мнение, в том числе и на отношение к мигрантам. То, каким образом преподносятся приезжие в публикациях, в центр каких дискурсов авторы их ставят и какое место им отводят, говорит о толерантном либо интолерантном отношении к приезжим. Интолерантное изображение иностранцев как Других может подразумевать

⁴² Ксенофобские и националистические настроения среди россиян: данные репрезентативных опросов 2002 – 2015 гг. / Эл. ресурс: <http://www.levada.ru/2015/08/25/ksenofobiya-i-natsionalizm/> (дата обращения 25.08.2015); Опрос проведен 7 – 10 августа 2015 года на репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1600 человек в возрасте 18 лет и старше в 134 населенных пунктах 46 регионов страны. Распределение ответов приводится в процентах от общего числа опрошенных вместе с данными предыдущих опросов. Статистическая погрешность данных этих исследований не превышает 3,4%.

обесценивание их инаковости, что влечет за собой представление приезжих как нежелательных, и ведет к исключению их из основных контекстов социальной жизни. Исходя из этого, важно понять, воспринимаются ли многообразие и инаковость как ценность на страницах российских газет? Насколько категорично происходит деление на «своих» и «чужих», есть ли их противопоставление? Это главные вопросы, которые помогают определить состояние общественных представлений, говорить об их толерантности и плюрализме, а также о предпосылках социальной сплоченности различных групп общества.

Целью исследования стал анализ стратегий производства инаковости в российских СМИ на примере репрезентации образа мигрантов. Для достижения цели были поставлены следующие задачи и соответствующие им исследовательские вопросы.

Первое: выявить ключевые элементы образов мигрантов (приезжих), отвечая на следующие вопросы: Какие эпитеты и определения используются? Каковы основные бинарные оппозиции в образах? Группы мигрантов представлены как гомогенные или гетерогенные? Какую позицию занимают мигранты в дискурсе: активную, пассивную, иждивенческую, и проч. Каковы основные роли мигрантов? Есть ли различия образов в анализируемых газетах?

Второе: определить контексты репрезентации образов мигрантов, отвечая на следующие вопросы: Какие проблемы или информационные поводы лежат в основе публикации? В какой сфере мигранты репрезентируются? Есть ли вытеснение группы мигрантов по отдельным сферам (деконтекстуализация)?

Третье: идентифицировать преобладающие в прессе дискурсы изображения мигрантов (дискурсы стыда, обвинения, страха, тревоги, угрозы, пользы, беспомощности, заинтересованности и др.). Выявить демонстрируемое отношение властей и принимающего населения к мигрантам: положительное/ отрицательное/ нейтральное/ амбивалентное/ отсутствие. Есть ли различия в разных СМИ?

Итак, нас интересовали два аспекта анализа: 1) содержательная сторона образа мигранта – те характеристики, контексты, оценки, которые вызывают у читателей определенное эмоциональное отношение; 2) форма подачи (дискурсивные механизмы производства образа), в частности: обобщение, превращение в объект, лишение голоса, игнорирование, насмешка или ирония, противопоставление, пристыжение. Оба аспекта могут быть выражены в тексте, как через лексические, так и через смысловые формы.

Подготовленный нами инструментарий был использован для проведения контент-анализа публикаций двух печатных российских СМИ на предмет выявления в отечественном медиа-дискурсе ключевых стратегий формирования образа мигрантов,

наличия или отсутствия в нем элементов инаковости и отчуждения. Критерии отбора газет представлены в таблице 4.

Таблица 4 - Обоснование эмпирической базы исследования

«Российская газета»	«Московский комсомолец»
Общенациональное издание Правительства Российской Федерации, после публикации в котором, вступают в силу государственные документы и акты	Общероссийский таблоид, освещающий широкий набор тем, публикующий материалы о государственной политике, новостях бизнеса, спорта и культуры, а также о жизни знаменитых людей
Тематика: новости, обзоры, аналитика Периодичность: ежедневно Формат А2 Аудитория 190 000 Тираж 400 000	Тематика: новости, обзоры, аналитика Периодичность: ежедневно Формат А2 Аудитория 200 000 человек Тираж 220 000

Исследование проходило в два этапа. Вначале на основе анализа литературы был подготовлен кодировочный лист и осуществлен отбор дескрипторов, характеризующих мигрантов, для поиска статей в полнотекстовой базе данных российских СМИ «Интегрум». Далее была осуществлена апробация инструментария на 109 статьях «Российской газеты», опубликованных в 2014 году. На втором этапе были доработаны кодировочный лист и поисковый запрос, произведены выгрузка статей из БД «Интегрум» и случайный отбор из них публикаций для анализа.

Всего составленному нами поисковому запросу отвечало 1506 статей двух изданий. На этапе отбора публикаций для кодирования был выбран шаг равный трем, первая статья для каждого издания выбиралась случайным образом. В ходе ручного отбора статей были отсеяны попавшие в базу «шумы» - статьи, не отвечающие целям нашего исследования (например, публикации о мигрантах в Европе или тексты нормативных документов). В итоговую выборку вошли 279 статей, опубликованных за период с 1 января 2014 по 31 июня 2015 года: 144 материала «Российской газеты» и 135 «Московского Комсомольца».

Таким образом, единицей анализа выступила статья, затрагивающая тематику миграции, жизни, проблем и случаев с мигрантами, приехавшими в РФ из-за рубежа. Единицей счета - высказывание о мигрантах, встречающееся в определенном смысловом блоке. При этом в одной статье могли быть учтены противоречивые или противоположные по смыслу высказывания, например, в случае приведения автором нескольких точек зрения на ситуацию. Инструментарий исследования (кодировочный

лист) содержал в себе следующие переменные: частота упоминаний мигрантов и динамика публикаций (номер, дата выхода); название публикации (если есть); лексические выражения, используемые для характеристики мигрантов (список дескрипторов); жанр статьи (аналитическая, публицистическая, информационная); размер смыслового блока о мигрантах (менее четверти полного текста, от четверти до половины, от половины до трети всей публикации или полная статья); тональность публикации с фиксацией отдельных оценочных высказываний (позитивная, негативная, нейтральная); контексты статьи, в которых изображаются мигранты (экономический, политический, здравоохранение и др.); половозрастной портрет; страна исхода и приезда; статус в РФ (легальные, нелегальные, беженцы и переселенцы); сфера занятости и характеристики труда (квалификация); условия работы, быта, места проживания; наличие/отсутствие ресурсов (материальных, социальных, правовых и др.); бинарные оппозиции, используемые при выстраивании образа мигранта (местные-приезжие и др.); отношение со стороны властей и местного населения; основные источники «голоса» (главное действующее лицо, высказывающееся о мигрантах), а также характеристики поведения; основные роли мигрантов, оценочные высказывания (например, жалость, сочувствие, одобрение, обвинение и т.п.); позиция мигрантов в дискурсе (активная, пассивная, как группа, как индивид, как объект, как субъект); наличие иерархии и другие категории.

Структура репрезентаций Другого складывалась из совокупности отдельных изображений мигрантов, найденных в публикациях, объединенных в группы и обобщенных в виде категорий.

Специфика публикаций, их динамика и сравнение

В обеих газетах, и в «Российской газете» (далее - РГ), и в «Московском комсомольце» (далее - МК) большая часть статей, где есть упоминание о приезжих, носит событийный характер - информационный или новостной. Аналитические материалы и интервью представлены реже. Особенно это проявляется в РГ, где 70% публикаций посвящены описанию новостей и освещению законодательных изменений миграционной политики, а аналитические статьи довольно редки - всего 3%. Большинство статей МК (59%) также написаны в жанре информационной сводки (новости или краткого обзора происшествия) и лишь 12% носят аналитический характер.

Статьи, которые практически полностью (от 0,75 до полного объема текста) посвящены мигрантам, встречаются в МК в 23% случаев. Чуть чаще материал придерживается тематики наполовину (26%), однако, чаще всего (33%) размер смыслового блока о мигрантах в МК не превышает и четверти объема всего текста, т.е., о

мигрантах упоминается вскользь или поверхностно. При этом по тональности в МК преобладают негативные статьи (39%), достаточно равномерное разделение между нейтральными и амбивалентными публикациями (22% и 21%), а позитивные публикации встречаются реже (18%).

Это несколько отличается от ситуации в РГ, где подавляющее число проанализированных материалов (63%) полностью посвящены мигрантам или миграционной политике. В 20% статей мигрантам отводится половина текста, в 10% - четверть материала, а в 8% случаев о мигрантах говорится вскользь. Тональность статей РГ в отличие от МК, как правило, амбивалентна (33%) или нейтральна (29%). Негативная коннотация присутствует в 26% статей, тогда как позитивная лишь в 12%.

Мигранты в РГ чаще упоминаются в связи с определенными событиями, такими как изменение миграционной политики (57%), преступная деятельность самих приезжих или же против них (33%), а также нарушение миграционного законодательства РФ (27%). Кроме того, типичными для исследуемого периода являются контексты трудовых отношений (19%), социальной защиты (17%) и помощи беженцам с Юго-востока Украины (13%). Наиболее распространенные контексты, на фоне которых изображаются мигранты в МК, – это проблемы безопасности и преступности (36%), политические отношения, выраженные как в изменениях миграционной политики, так и во взаимодействии с беженцами и переселенцами из Украины (34%). В 23% публикаций мигранты репрезентируются в контексте происшествия/несчастного случая, что также напрямую связано с проблемой безопасности, как жителей, так и мигрантов.

Подавляющее число статей РГ и МК выпущено под авторством конкретных журналистов или экспертов. И хотя большинство статей написаны в жанре новостной заметки, нельзя отрицать присутствия в них субъективных авторских мнений, а иногда и стереотипов. Учитывая, что 39% статей в МК и 16% материалов в РГ носят публицистический характер, а соответственно, содержат оценочные высказывания, их анонимность могла бы способствовать восприятию индивидуальных оценок в качестве «объективных», выражающих коллективное мнение, однако, это не наблюдается. В РГ статьи о мигрантах без упоминания конкретного автора, т.е. анонимные встречаются в 3% случаев, а в МК - 14%.

Тем не менее, дискурс о мигрантах не статичен, он изменяется с изменением социально-политической и экономической конъюнктуры как внутри страны, так и на мировой арене. Например, на репрезентацию образа приезжих могут оказывать влияние политическая ситуация в соседних с Россией странах (в частности, конфликт на Юго-Востоке Украины), экономический кризис в самой России (замедление роста экономики, в

том числе и строительного сектора, где массово трудятся иностранцы, снижение курса национальной валюты по отношению к доллару и евро и т.п.), изменения миграционного законодательства РФ (ужесточение правил получения разрешения на работу, в том числе сдача экзаменов на знание русского языка, истории России и основ законодательства РФ).

Сравнивая публикации в МК за полный 2014 год и первые 6 месяцев 2015 года, в целом можно сказать, что в 2015 году транслируется более лояльное отношение к мигрантам. Это заметно в частности, по сокращению количества статей негативной тональности и возрастанию репрезентаций мигрантов с позитивной оценкой. Также косвенно об этом свидетельствует уменьшение числа новостных сводок, вместе с увеличением статей публицистического и аналитического жанра, характеризующихся большей насыщенностью изображения Других. Что касается динамики дискурса публикаций в РГ, то наблюдается значительное снижение количества статей по вопросам миграции, но вместе с тем усиление их эмоциональной насыщенности. Если за первое полугодие 2014 года было опубликовано 55 материалов, посвященных жизни приезжих или изменениям миграционного законодательства, то за аналогичный период 2015 года таких статей было лишь 33. Так же, как и в МК, в РГ наблюдается рост числа публицистических статей за счет снижения доли информационных материалов и экспертных интервью. Стоит отметить, что и тональность статей в РГ в 2015 году поменялась, но в отличие от МК число негативных публикаций несколько увеличилось за счет снижения доли амбивалентных и нейтральных статей.

Важно обратить внимание и на изменения, произошедшие в контексте упоминания мигрантов. Так в МК в 2015 году по сравнению с годом 2014-м большую актуальность приобрел контекст экономических отношений, а число статей по безопасности и преступности сократилось. Тогда как в РГ контекст миграционной политики так и остался ключевым, несмотря на снижение доли таких статей. Наряду с этим значительно сократилось и число материалов, посвященных социальной защите мигрантов и помощи беженцам с Украины. Доли статей о преступности и нарушении миграционного законодательства, где упоминаются мигранты, остались практически неизменными.

Анализ транслируемых характеристик поведения мигрантов показал, что журналистов чаще привлекают истории о приезжих-девиантах: в 36% статей РГ и 29% публикаций МК есть указания на убийство, распространение наркотиков, насилие, грабеж, злоупотребление алкоголем и другие виды отклоняющегося поведения приезжих. Адекватное и нормальное поведение приписывается мигрантам только в 22% статей РГ и 15% в МК.

Причем анализ публикаций МК в динамике показывает, что в 2015 году частота репрезентаций мигрантов, ведущих себя асоциально, снижается. Зато доля тех, кто ведет себя приемлемо, растет, что также подтверждает укрепление лояльности по отношению к мигрантам в данном издании. Рост интереса к мигранту как субъекту экономических отношений наблюдается на страницах МК с конца 2014 года, тогда росло беспокойство из-за оттока мигрантов и сокращения объема дешевой рабочей силы в стране в ситуации кризиса. Кроме того, поначалу показанные крайне уязвимыми, приезжие из Украины теперь изображаются все более окрепшими после переселения и готовыми полноценно включиться в местные трудовые процессы.

Развитие дискурса о мигрантах в РГ идет иначе. Примечательно, что в 2015 году со страниц РГ достаточно резко уходит тематика жизни беженцев. Если в 2014 году значительная часть публикаций РГ была посвящена теме помощи беженцам из Украины, прибывшим на территорию РФ и оказавшимся в сложной жизненной ситуации (39%), то за половину 2015 года таких материалов оказалось всего 6%. Внимание журналистов вновь концентрируется на трудовых мигрантах, а поводы для публикаций традиционные - девиантное поведение приезжих. Нагнетаемое в МК беспокойство об оттоке иностранцев с российских строек в публикациях РГ отражается лишь эхом: в начале года тезисы о дефиците дешевой рабочей силы опровергались мнениями экспертов и указаниями на сезонность характера работы приезжих. Позже статистические данные об уменьшении числа иностранных работников объяснялись не столько экономической нерентабельностью работы в России для мигрантов, сколько успехом отечественной миграционной политики по качественному отбору квалифицированных рабочих.

Из вышесказанного ясно, что материалы официальной государственной газеты и популярного таблоида чаще носят событийный характер, имеют автора, уделяют достаточное внимание описанию мигрантов или ситуации с ними связанной. В то же время существуют и различия между изданиями (в тематике, в формате представления, в стиле написания и в объеме материалов), которые скорее всего в значимой степени обусловлены - а) ориентацией изданий на свою целевую аудиторию, и б) политикой и целями редакций.

Статусные характеристики образа мигрантов

Наиболее популярный дескриптор анализируемой группы в публикациях обоих изданий – «мигрант» (РГ - 56%, МК - 54%). Вторыми по частоте упоминания являются «иностранец» для РГ (43%, против 21% в МК) и «гастарбайтер» для МК (43%, против 33% в РГ). Далее идет «приезжий», этот дескриптор встречается в 36% статьях РГ и 30% МК.

О мигрантах как «беженцах» говорится в 31% материалов РГ и 21% МК. Реже упоминаются «нелегалы» - 22% статей РГ и 13% МК. Практически никогда мигрантов не называют «гостями», «экспатами», «лицами без гражданства» или «эмигрантами».

В большинстве проанализированных статей мигранты показаны как члены большой группы – обобщенные «они», особенно в РГ, в которой истории отдельных мигрантов встречаются лишь в трети статей. Для МК характерно изображение мигрантов и в качестве индивидов (40%), т.е. описания конкретных историй, точек зрения, событий, произошедших с ними, указание имен. Другое дело, что эти события часто носят негативный оттенок или связаны с нарушением законодательства.

Так или иначе, в центре газетных репрезентаций МК помещен, прежде всего, молодой мужчина (48%), приехавший из одной из стран Средней Азии (Таджикистана, Узбекистана, реже из Кыргызстана) с целью трудового заработка (73%). В 53% случаев изображаются работающие мигранты, проживающие легально (47%) и занимающиеся низкоквалифицированным трудом в области частного бизнеса (87%), например, в сферах услуг (46%), строительства (22%), реже ЖКХ (13%).

Приезжие на страницах РГ также часто предстают в качестве низкоквалифицированных работников, занятых в сферах строительства (24%), торговли (9%), ЖКХ (9%) и автоперевозок (7%)⁴³. При этом нередко упоминаются и случаи преступной деятельности мигрантов (19%). В статьях РГ зачастую даже не дается указаний на половозрастной портрет мигрантов, а используется прием обобщения, когда пишут в целом о приезжих. Если же описание истории конкретного приезжего человека присутствует, то чаще говорится о мужчинах (33%) трудового возраста (21%) - среднего и молодого, о мигрантах-стариках, так же, как и в МК, практически не упоминается (3%). Мигранты-женщины изображаются в 19% статей РГ и 17% публикаций МК, чаще всего вместе с детьми.

При этом интересно, что лишь в двух из проанализированных статей РГ говорилось о вероисповедании мигрантов, в МК упоминание религиозного статуса приезжих встречалось чуть чаще, в 6% статей. В целом, можно сказать, что религиозный контекст исключен из структуры миграционного дискурса выбранных для анализа СМИ.

О быте и условиях работы приезжих авторы также упоминают редко, приблизительно в 70% случаев нет никаких указаний. И все же, если речь об этом заходит, то чаще говорится о плохо обустроенных помещениях (10% - РГ, 11% - МК) и о тяжелых условиях труда (РГ - 6%, МК – 10% публикаций). Но, например, в 15% статей РГ отмечаются стандартные условия проживания мигрантов, чаще в материалах о жизни

⁴³ в % от числа всех статей, в которых говорится о трудовых мигрантах

беженцев из Украины. В 9% статей МК условия проживания мигрантов определяются как хорошие, а иногда даже слишком хорошие, если идет речь о центрах временного содержания мигрантов, ожидающих депортации: «разработанный ведомством типовой план дня мигрантских городков скорее напоминает распорядок санатория, чем закрытого спецучреждения для содержания злостных нарушителей» ("В спецприемниках мигранты будут жить лучше, чем на воле"// Московский Комсомолец от 24.01.2014).

Говоря о тех ресурсах, которыми мигранты обладают в России, журналисты МК чаще всего упоминают об имеющихся у приезжих социальных связях (19%) и обеспеченных законом правовых гарантиях (19%). Хотя в 21% случаев указывается на недостаточность/отсутствие каких-либо ресурсов. Особенно в 2015 году, когда процент статей такого плана возрастает до 36% в сравнении с 2014 (16%). Это может быть сопряжено с увеличением числа переселенцев с Украины, их незащищенным социальным положением: жилищными и материальными трудностями, связанными с отсутствием официального статуса беженцев и разрешительных документов.

О наличии у мигрантов каких-либо ресурсов упоминается в чуть более, чем в половине материалов РГ (55%). Так же, как и в МК (26%), наиболее частым источником поддержки журналисты называют социальные связи приезжих, например, проживающих в России родственников или знакомых-членов национальной диаспоры. Примерно одинаково часто на страницах РГ говорится о наличии у мигрантов правовых ресурсов (15%) и культурного капитала (14%). В последнем случае речь идет о знании приезжими русского языка и традиций населения России, что, судя по контексту статей, облегчает процесс адаптации мигрантов на новом месте жительства и открывает возможности для обучения и работы. Как правило, аргументы о культурной схожести с россиянами приводятся в материалах, посвященных беженцам и переселенцам из Украины. Более того, в 15% статей прямо указывается на статус беженца как гарантию получения государственной поддержки. Однако, как и в материалах МК, большая часть таких упоминаний приходится на 2014 год - тот период, когда переселенцы с Юго-Востока Украины массово прибывали на территорию РФ. Вероятно, тогда требовалось публичное подтверждение готовности властей принять беженцев.

Итак, как правило, статьи в анализируемых СМИ посвящены легальным трудовым мигрантам (в РГ - 36% статей, МК - 47%), приехавшим из стран СНГ, Средней Азии и Китая в крупные города и областные центры России в стремлении заработать. Чаще всего их пункт назначения - Москва, так как в МК подавляющее число статей (68%) посвящено именно приезжим в столице. В РГ таких публикаций меньше (28%), однако, среди всех статей, где были указания на место приезда мигрантов, Москва – так же самый

популярный город. В свете последних событий на Украине, в значительной части статей появились упоминания о беженцах, переселенцах и иммигрантах из Украины (в РГ - 31%, в МК – 44%), которые покидают родину по социально-политическим причинам и расселяются по всей территории России, в местах, где больше всего нуждаются в рабочей силе и человеческих ресурсах, в частности на Дальнем Востоке, в Зауралье. Многие беженцы останавливаются недалеко от границы с Украиной - в Ростовской области и Краснодарском крае.

Стратегии репрезентации мигрантов как Других

На основе анализа литературы и пилотажного исследования мы выделили коды, описывающие различные стратегии репрезентаций мигрантов как Других в печатном медиа-дискурсе, главные из которых: 1) *характеристика дискурсов* - структура высказывания, тон и оценка, 2) *роль мигрантов* – в качестве кого мигрант изображается, как оценивается, на что способен, 3) *отношения мигрантов с местными жителями и властью* – поводы, характер и заряд, 4) *позиция мигрантов* – активная/ пассивная, молчаливая/ говорящая, 5) *наличие или отсутствие механизмов противопоставления/ отчуждения* - противопоставляются ли мигранты и кому, конструируется ли иерархия.

Примерно в половине проанализированных нами статей РГ и МК мигранты представлены в конфликтной ситуации - с местными (РГ - 24%, МК - 24%), с законом (РГ - 43%, МК - 23%), либо же с другими мигрантами (РГ - 1%, МК - 1%).

Образ мигранта как нарушителя закона – «классика» для отечественных СМИ, которая встречается в каждом третьем материале РГ и МК. Плюс ко всему приезжие нередко представляются виновниками сложившейся ситуации и обидчиками местных жителей (РГ - 22%, МК - 17%), по характеру («по сути своей») хитрыми и способными на обман (РГ - 15%, МК - 18%). Мигранты изображаются как те, кто постоянно ищет способ обойти систему проверки, нелегально устроиться, нарушить миграционные требования, порой этому способствуют и сами работодатели (РГ - 22%, МК-7%). Единственное, что может помешать мигрантам, исходя из текстов газетных публикаций, - контроль ФМС и других государственных органов (РГ - 42%, МК-30%), введение новых правил получения разрешения на жительство и работу (РГ - 15%, МК - 16%) для защиты российских граждан (РГ - 56%, МК-30%).

Декларируемое напряжение по поводу приезжих подкрепляется за счет использования механизма репрезентации мигрантов как проблемы (РГ - 24%, МК - 23%) и угрозы (РГ - 18%, МК - 12%), а также через указание на отрицательный опыт взаимодействия местного населения с мигрантами, особенно в материалах МК (РГ - 18%,

МК - 48%). Для сравнения, о положительном опыте взаимодействия россиян с приезжими говорится лишь в 10% статей РГ и 15% публикаций МК.

Однако вслед за ролью опасных преступников, выходит образ мигранта как жертвы или пострадавшего (РГ - 39%, МК - 25%). Тогда мигранты изображаются как уязвимые и незащищенные, нуждающиеся в поддержке и сочувствии. Особенно острым этот образ становится при описании беженцев и переселенцев, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, без крыши над головой и средств к существованию.

Ощутима и разница демонстрируемых реакций местного населения на мигрантов. Поводами для коммуникации, судя по статьям, служат, как помощь беженцам из Украины (РГ - 15%, МК - 4%), так и криминальные разборки, разбой: преступные действия мигрантов (РГ - 9%, МК - 23%), преступные действия против мигрантов (РГ - 4%, МК - 2%), драки и стычки местных с приезжими (РГ - 3%, МК - 2%). Например, в МК, где чаще рассказывают о межличностном общении иностранных рабочих с россиянами, чаще демонстрируются жалобы и недовольство местных мигрантами (13%), враждебность по отношению к ним (10%) и проявление инструментального интереса к приезжим (11%). В РГ большая часть персонифицированных сюжетов посвящена беженцам и переселенцам из Украины, и в этих статьях со стороны принимающей стороны показаны деятельностная поддержка (16%) и сочувствие (7%). В тоже время в 11% случаев на страницах РГ отмечается и враждебность местных по отношению к приезжим, реже показаны страх и обеспокоенность (6%), а также недовольство и жалобы (6%).

Таким образом, важно понимать, что сконструированный образ мигрантов неоднороден. В изученных публикациях встречаются противоречивые интонации и дискурсы, например, агрессивность и уязвимость мигрантов. Эти различия хорошо прослеживаются как на уровне сравнения двух газет, так и на уровне описания мигрантов, приехавших в Россию с различными целями.

Однако важно отметить, что в подавляющем большинстве материалов мигранты «молчат»: либо они не артикулируют свою позицию, либо к ним попросту не обращаются за комментариями (РГ - 83%, МК - 86%). При этом чаще всего приезжих показывают в качестве объектов воздействия (РГ - 74%, МК - 63%), то есть мигранты занимают пассивное положение. В большей степени это характерно для публикаций РГ, где анонсируются и обсуждаются все нововведения миграционного законодательства, и мигранты соответственно изображаются в качестве объекта нормативного акта или закона. Можно услышать собственное мнение мигрантов лишь в 6% статей РГ и 14% публикаций МК.

Кто же тогда говорит вместо мигрантов? Не считая журналистов, в чьих руках почти всегда сосредоточена главная линия повествования, в статьях также говорят чиновники, чаще из ФМС (РГ - 22%, МК - 22%), политики и представители власти (РГ - 19%, МК - 19%), на третьем месте – в публикациях МК рядовые граждане и общественность (18%), а в РГ - представители правоохранительных органов (15%).

Можно сделать вывод, что в официальной прессе преобладают репрезентации от лица властей, чиновников, и практически отсутствуют публикации, рассказывающие о субъективном опыте мигрантов. Это ведет к игнорированию культурной уникальности иностранцев и их личных особенностей, что, в свою очередь, приводит к обесцениванию приезжих и их потенциала, и вместо этого к частому восприятию мигрантов в качестве бездушных «трудовых ресурсов». То есть на первый план выходит дискурс экономической полезности, а не дискурс равенства и ценности многообразия. И хотя в МК роль мигрантов как рабочей силы тоже является одной из популярных, но она качественно отличается от изображений в РГ: в публикациях МК присутствует большее дискурсивное разнообразие. Множество различных дискурсов могут переплетаться в пределах одной статьи, что также указывает на неоднородность репрезентаций группы мигрантов.

Продолжая сравнение дискурсов с участием мигрантов, представленных на страницах официальной газеты и таблоида, стоит отметить различия в репрезентациях взаимодействия принимающего населения и властей с мигрантами. Например, в публикациях РГ значительно чаще демонстрируется отношение к мигрантам именно со стороны властей (92%), чем населения (36%). Причем действия властей характеризуются как конструктивные: поддерживающие интересы мигрантов (44%) или защищающие российское законодательство и россиян (56%). Об игнорировании властями какой-либо проблемы или ситуации говорится лишь в 4% публикаций. Что и не удивительно, РГ - официальное государственное издание, призванное доносить до населения и региональных чиновников позицию федеральных органов власти и высшего руководства страны. В этом плане в МК обнаруживается большее разнообразие оттенков отношения к мигрантам со стороны местного населения и более критическое отношение к позиции или реакции властей (13% публикаций, где власти игнорируют проблему). На страницах МК можно найти публикации, в которых власти обвиняются в неспособности принять необходимые меры, действовать гибко и более эффективно по отношению к мигрантам. Ситуация с резким повышением числа переселенцев и беженцев стала катализатором возрастания критических отзывов по работе ФМС, хотя и в сочетании появлением одобрительных отзывов за смягчение миграционной политики.

Выявленный в публикациях РГ и МК дискурс обвинения/ осуждения (РГ - 26%, МК - 15%) тесно связан с репрезентациями мигрантов в роли нарушителей закона: трудовых, миграционных и жилищных правил. Поэтому со стороны власти превалирует отношение контроля, регуляции и проверки, а также защиты российского законодательства и граждан (РГ - 56%, МК - 30%). В публикациях РГ защита осуществляется в основном в области регулирования трудовых квот, правил въезда на территорию страны, мер безопасности совместного проживания мигрантов и местного населения. В публикациях 2014-2015 годов упор делается на ужесточение миграционных правил для трудовых мигрантов, вместе с тем для беженцев и переселенцев разрабатывается ряд послаблений. Материалы МК чаще рассказывают о деятельности представителей власти в исполнении принятых нормативных актов.

Таким образом, власть предстает в образе балансирующего гимнаста, подталкиваемого с одной стороны необходимостью принятия решительных мер по защите порядка в стране, и поддержке мигрантов с целью минимизации конфликтов - с другой. Под видом защиты российского законодательства, преподносятся новые меры контроля, регуляции, изоляции, разграничения, направленные на предотвращение межэтнических конфликтов и главное, снижение недовольства, враждебности, протестных настроений со стороны местного населения. Нередко упоминания о мерах регуляции и ужесточения миграционной политики в РГ сопряжены с полным игнорированием интересов самих приезжих. Это указывает, во-первых, на явное дистанцирование местных властей и населения от приезжих, и во-вторых, на позицию объективации мигрантов – восприятия приезжих исключительно в качестве объектов миграционной политики, лишенных права собственного голоса.

Типология образов мигрантов

В ходе анализа РГ не было выявлено ни одной статьи, где бы мигранты выступали в качестве самостоятельных индивидов или сплоченных групп, высказывающих протест, защищающих свои права. И это несмотря на то, что в обеих газетах высок процент статей, где мигранты изображаются как жертвы, пострадавшие от насилия, агрессии со стороны местного населения, униженные или даже лишенные жизни. Напротив, самостоятельные действия, приписываемые мигрантам, носят деструктивный и вероломный характер: во всех красках показаны мигранты-убийцы, насильники, воры, которые, если и объединяются, то с целью грабежа и разбоя. Отсутствие дискурса сплоченности мигрантов на страницах отечественных СМИ может объясняться страхом журналистов вызвать (или усилить) националистические настроения россиян. Ведь демонстрация

мигрантов как сплоченных Других на фоне их религиозной или культурной инаковости могут усилить тревогу и обеспокоенность местного населения, увеличить поток агрессии по отношению к приезжим.

В то же время на страницах газет формируется двоякий образ мигрантов: как Других по отношению к тем, кто приехал в Россию (чаще из стран Азии) на заработки, и как Своих по отношению к беженцам и вынужденным переселенцам из Украины. Основными механизмами конструирования инаковости трудовых мигрантов становятся: противопоставление приезжих и местных жителей (РГ - 37%, МК - 23%), оценка мигрантов как менее достойных (РГ - 8%, МК - 10%), чужих (РГ - 19%, МК - 15%) и ограниченных в правах (РГ - 24%, МК - 6%). Часто при описании конкретных ситуаций, произошедших с иностранными рабочими, акцентируется их гражданская принадлежность (РГ - 74%, МК - 27%), реже национальная (РГ - 9%, МК - 12 %) и почти никогда религиозная (РГ - 1,5%, МК - 6%). В статьях, посвященных экономическим отношениям, подчеркивается временный, а зачастую и нелегальный статус мигрантов на территории России, более того ставится вопрос о создании приезжими трудовой конкуренции (РГ - 8%, МК - 4%) за счет их более низких требований к условиям труда и его оплаты. Все это указывает на существование определенной иерархии, где приезжие занимают подчиненное, второстепенное положение «приживал».

Беженцы из Украины изображаются иначе. У них другие причины приезда, иной статус, схожая с россиянами культура и язык, и, как следствие, более теплые отношения с местными. Выходцев из Украины показывают в роли желанных гостей, новых потенциальных сограждан и источника человеческих ресурсов, в которых страна заинтересована. Например, так преподносится приезд беженцев из соседней страны в одном из материалов МК: «нам просто повезло, что к нам едут украинские беженцы. Это самые желанные для нас мигранты. Мы должны принять их как самых дорогих родственников» («Почему Приморью оказались не нужны беженцы с Украины» // Московский Комсомолец от 06.04.2015). Беженцам сочувствуют на словах и помогают на деле - одеждой, продуктами, работой и жильем. В СМИ показана поддержка выходцев из Украины со всех сторон - государства, работодателей и местных жителей.

Но приезжих из Азии журналисты чаще видят более далекими, чужими и неудобными; в роли «потока», который нуждается в постоянном контроле, проверке, «отсеивании» на основании пригодности к труду, безопасного и послушного поведения. Восприятие мигранта из Азии, прежде всего в роли временной рабочей силы приводит к тому, что в общей массе публикаций прослеживается отстраненное отношение со стороны властей, а население воспринимает мигрантов с опаской или в рамках утилитарной

установки. Типичным контекстом и описанием иностранных рабочих является следующая цитата из РГ: «Опять же в Подмосковье остро стоят всем известные и давно набившие оскомину проблемы с трудовыми мигрантами, которые неразрывно связаны с этнической преступностью и появлением напряженности в обществе» («Генеральский участок - за МКАДом» // Российская Газета от 30.01.2014).

Однако следует отметить, что в материалах анализируемых изданий были выделены дискурсы равенства (РГ - 10%, МК - 14%) и сочувствия (РГ - 13%, МК - 19%), которые апеллируют к защите прав мигрантов, предотвращению националистических действий и преступлений, совершенных на почве этнической ненависти. Но лишь в 4% статей МК и в 3% статей РГ голос отдается правозащитникам. На страницах МК упоминаются мигранты, которые сами выступают в роли борцов за свои права, это важно, несмотря на небольшое количество, ведь в РГ такие статьи не встречаются вовсе.

Несмотря на высокую частоту упоминаний о преступлениях, совершенных мигрантами, или представлении их в роли злоумышленников, нельзя сказать, что приезжие из Азии воспринимаются в качестве опасных врагов-агрессоров или угнетателей. Исходя из репрезентаций мигрантов на страницах печатных СМИ, они даже не дотягивают до роли «полноценных злодеев»: произошедшее преступление зачастую объясняется отчаянием, неадекватностью или бесправностью мигранта, а совершенное им изнасилование - животной несдержанностью, примитивностью. Они скорее занимают позицию неприятных «соседей», случайных прохожих (чужаков, незнакомцев, не равных, какими бывают горожане в уличном потоке, а помещенных властью дискурса на ступень ниже) - тех, с кем нужно временно смириться и по возможности избегать взаимодействия.

Таким образом, на основе полученных данных мы выделили несколько «типов» мигрантов, к которым на страницах таблоида и официального издания выстраивается различное отношение:

а) *Мигранты как трудовые ресурсы*: изображение мигрантов как покорной и безобидной рабочей силы, в то же время ради собственной выгоды способных пойти на хитрость и обман («бесправные мигранты», «не выходят за забор», «уязвимые», «охраняемые от местных»). Судя по коннотации газетных публикаций, уязвимость их положения связана с особенностью «мышления», дезадаптированностью, неспособностью постоять за себя. Как правило, они не очень хорошо знают русский язык, редко вступают в неформальные отношения с местными жителями и оказываются не включенными в социальную и культурную жизнь российского общества. Зачастую они живут вместе с другими мигрантами прямо на месте работы или недалеко от него. Они плохо

осведомлены о своих правах, поэтому часто становятся заложниками обстоятельств и изображаются либо как жертвы, либо как обидчики.

Именно к этому типу Других можно отнести большинство мигрантов, показанных в СМИ. Это достаточно пассивный слой разнорабочих и помощников по хозяйству, способных соблести «обряд инициации» в послушные работники, т.е. получить патент, пройдя все тесты и нововведения. Их основная цель - заработать деньги для своих семей на родине, поэтому они ищут наиболее выгодные условия. В прессе показана заинтересованность страны в труде мигрантов. Одновременно с этим разворачиваются два дискурса. Первый - уходящий на задний план - дискурс о конкуренции мигрантов с квалифицированными местными работниками, проигрывающими из-за более высоких требований к условиям труда и его оплаты. Второй - нарастающий - дискурс беспокойства о мигрантах как о «питомцах»: тревога, о том, что они уедут и не вернутся, ведь во время кризиса их доходы сильно сократились, и многим стало невыгодно ездить на заработки в Россию. Анализ динамики публикаций показывает постепенный переход ко все более нейтральному отношению населения к трудовым мигрантам и повышающуюся заинтересованность властей в их труде на фоне падения рубля и экономического кризиса, а также последствий ужесточения миграционной политики. Мигранты, если и взаимодействуют с россиянами, то, как правило, вступают в симбиоз, основанный на утилитарных целях. Здесь преобладает установка: если терпим друг друга, значит толерантны. Репрезентации этой группы выстроены преимущественно через стратегию объективации, т.е., изображения мигрантов в роли объектов регулирования, за которыми осуществляется присмотр и необходимый пропускной контроль.

б) *Мигранты как участники происшествий*: приезжие показаны оступившимися, способными на обман, преступление, и даже убийство, чаще в силу недовольства своим социально-экономическим положением или сознательным выбором криминала в качестве основного способа «заработка». Их часто изображают как одиночек или членов организованных преступных групп, негодных, больных, судимых, непослушных, нелегальных, с «плохой» репутацией, в общем - нежелательных элементов на территории страны. От таких мигрантов нужно избавляться: их ловят, контролируют, наказывают, изолируют, депортируют, и следят, чтобы в Россию они больше не возвращались. В текстах они, соответственно, - объекты контроля, наказания, выдворения, облавы и чистки. Такие мигранты показаны в качестве свидетельства успешной работы системы ФМС. В этой плоскости отношений система важнее судеб отдельных приезжих: мигрант важен как функция, а не как личность.

в) *Мигранты как беженцы*: особая категория мигрантов, приехавших в Россию вынужденно с Юго-Востока Украины. На страницах обеих газет показано сочувственное, ровное и доброжелательное отношение к беженцам, как со стороны власти, так и со стороны населения. Им стараются помочь «всем миром», их воспринимают как «своих», равных и близких, они - желательные мигранты. Беженцы тоже уязвимы, но их уязвимость другого рода, она связывается с военно-политическим положением в стране исхода. Поэтому «чужими», Другими-угнетателями репрезентируются не мигранты из Украины, а скорее украинская власть и ее союзники, из-за которых мирные жители остались без крыши над головой, работы и социальных гарантий. В то же время сами беженцы (как правило, дети, женщины и старики) на контрасте изображаются как невинные жертвы, пострадавшие. Они - свидетельство жестокости и несправедливости внешнего агрессора и благодушия россиян. Дискурс мигрантов как беженцев выступает доказательством праведности гнева и ненависти жителей Донбасса.

Таким образом, в ходе исследования публикаций общественно-политического официального издания и популярного таблоида было обнаружено, что в СМИ конструируется многогранный, множественный образ мигрантов, с различными характеристиками их поведения, целями приезда и неоднозначным отношением со стороны населения и властей. Но, тем не менее, в описании приезжих можно выявить определенные закономерности и даже типы, три из которых мы представили - трудовые мигранты, участники происшествий и мигранты-беженцы. Поэтому говорить об усредненном образе мигрантов было бы явным упрощением. Различия в изображении мигрантов между изданиями также были обнаружены, но в целом они соответствуют профилям газет. Если РГ специализируется на информировании населения и чиновников об изменениях миграционной политики, то МК - на конкретных сюжетах из жизни приезжих.

Более того, мы можем сделать вывод о низкой ценности инаковости мигрантов в дискурсе печатных российских СМИ. Отличия приезжих от местных воспринимаются не как ресурс для развития потенциальных взаимовыгодных отношений, а как вина мигранта, его несоответствие принятым в нашей стране «стандартам». Тем, кто знает русский язык и культуру, откровенно рады больше. Единственный способ стать Своим - полная ассимиляция. Уже законодательно закреплено, чтобы жить и работать в России, иностранцу нужно сдать экзамены на знание русского языка, российской истории и основ законодательства. Причем заниматься адаптацией и ассимиляцией мигрантов специально

никто не собирается, это обязанность самих приезжих. Они - ресурс, притом временный и заменимый, нужный в первую очередь экономике, никто не заинтересован, чтобы мигранты оставались в России. Здесь мы приходим к выводу, что в нашей стране превалирует слабый тип социальной солидарности, где сплочение Своих (в первую очередь мы говорим о транслируемых и проанализированных нами дискурсах печатных СМИ) происходит через противопоставление Другим, отстранение и дистанцирование от них, утверждение своего образа жизни и мысли, ценностей и традиций как единственно верных и возможных. Многообразие непохожих культур воспринимается как проблема и угроза. Выбор стратегии взаимодействия с Другими останавливается на сосуществовании, деловых и инструментальных отношениях. Мигранты часто исключены из социальной жизни. На этом фоне и у местных, и у приезжих развивается нежелание узнать и тем более понять или принять другую культуру и уклад жизни.

Глава 10. Просто о непростом: репрезентация инклюзии и сплоченности в учебной книге

Полагая, что школьный учебник, наряду с масс-медиа определяет, что достойно быть «увиденным» и как правильно это должно быть воспринято, а что должно остаться незамеченным по эстетическим, политическим и социальным соображениям⁴⁴, обратимся к рассмотрению репрезентаций сплоченности в педагогическом дискурсе. Начнем с рассмотрения предлагаемых учебной книгой моделей взаимодействия представителей доминирующей культуры и меньшинств и далее обратимся, собственно, к анализу репрезентаций сплоченности.

«Диалог культур» в монологе доминирующей группы: стратегии и механизмы конструирования образов ингруппы и аутгруппы в советских и постсоветских учебниках для начальной школы

Русский „инородец“ — пасынок по отношению к «коренному населению»...

Много пасынков у нашей родины, гораздо больше, чем родных детей.

Пасынками у нас объявляются многомиллионные народности,

величаемые „инородцами“, хотя другой родины,

кроме России, он не имеют.

Пасынком является у нас и просвещение...

(Левитин С. К вопросу об инородческой школе и национальном самоопределении. 1916)

Сфера образования - одно из центральных, наряду со СМИ - «поле боя» в культурных войнах. В российском образовании начала XX века война развернулась, кроме прочего, и вокруг аспектов национального/этнокультурного наполнения школьного образования. Необходимость вовлечения в образовательный процесс широких народных масс, в том числе и детей-«инородцев», привела к созданию «инородческих школ», в которых, впрочем, лишь очень небольшое число учителей видело потенциальный инструмент развития этнических культур населяющих Россию народов и приобщение детей посредством родной культуры к культуре русской и мировой. На практике разнообразие населяющих Россию этнокультурных групп - около 150 различных народностей – учитывалось весьма слабо, учебные программы почти не отличались от

⁴⁴ Семенова А.В., Корсунская М.В. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения. М.: Ин-т социологии РАН, 2010. 324 с.

программ для школ без эпитета «инородческая», языком преподавания во всех школах признавался только русский язык.

Таким образом, задачи, ставшие реальным основанием учебно-воспитательного процесса в инородческих школах, формулировались весьма просто: 1) разноразличная Россия должна говорить на одном языке; 2) своеобразие культур отдельных народностей должна стереться, чтобы подготовить почву для признания одной культуры⁴⁵. Результат такого рода образовательной политики удивления не вызывает: для развития личности ребенка она имела эффект разрушительный – «дети, отличавшиеся до поступления в школу способностями, дети с творческой инициативой, чувствуют пропасть, которая отделяет их и от родной хаты, и от той среды, из которой пришел учитель, теряют под ногами почву»⁴⁶, и поставленные государством задачи выполнить была не в состоянии. «Программа деятельности наших обрусителей напоминает оригинальную работу того любителя зелени, который вместо древонасаждения, вместо поливки, ухода за молодой зеленью, вместо заботы о росте и процветании ее, выкрасил зеленой краской засохшую, чахлую и захиревшую растительность... Да и краска к тому еще оказалась жиденькой, водянистой, и одного дождливого дня было достаточно, чтобы вся краска оказалась смытой»⁴⁷.

Предсказуемой оказывается и реакция противодействия этой образовательной политике как на уровне законодательных инициатив учителей – участников прошедшего в 1913г. Первого Всероссийского Съезда по народному образованию, где вопросам инородческой школы была посвящена работа особой секции, так и на уровне стихийных протестных действий населения: «один якут вышколил своего сына симулировать глухоту, чтобы избавить ребенка от необходимости посещения школы. Школа отца оказалась настолько хорошей, что исправник, врач и учитель не могли открыть симуляции, хотя и слышали об этом стороной. Только догадливый попечитель, очевидно, хорошо знакомый с местными условиями, пустился на хитрость: – Ну, ладно, говорит он, как бы про себя: – мы возьмем его и полечим – провертим буравчиком отверстие в ухе и будет он слышать. Мальчик заплакал, стал умолять...»⁴⁸. Как указывал в отношении двуязычного образования Дж. Кроуфорд, анализирувавший соответствующие вопросы на

⁴⁵ Зеленко В. Что такое инородческая школа / Тумим Г.Г., Зеленко В.А (ред.), Инородческая школа. Сборник трудов и материалов по вопросам инородческой школы. М., 1916. С. 7-18.

⁴⁶ Русова С. Инородческая школа и ее запросы / Тумим Г.Г., Зеленко В.А (ред.), Инородческая школа. Сборник трудов и материалов по вопросам инородческой школы. М., 1916. С. 18-28. С.23.

⁴⁷ Левитин С. К вопросу об инородческой школе и национальном самоопределении / Тумим Г.Г., Зеленко В.А (ред.), Инородческая школа. Сборник трудов и материалов по вопросам инородческой школы. М., 1916. С. 28-43. С.34.

⁴⁸ Зеленко В. Что такое инородческая школа / Тумим Г.Г., Зеленко В.А (ред.), Инородческая школа. Сборник трудов и материалов по вопросам инородческой школы. М., 1916. С. 7-18. С. 12.

совершенно ином культурном материале – в контексте истории американского общества, оно «вызывает страсти, связанные с вопросами политической власти и социального статуса, которые далеки от классной комнаты. Это не просто вопрос о том, как мы будем учить в наших школах, но и вопрос о том, в каком обществе мы стремимся жить: плюралистическом или конформистском, гуманном или нетерпимом»⁴⁹.

Вынесение проблем инородческих школ в публичный дискурс, например, на упомянутом Всероссийском Съезде по народному образованию, приводило, скорее, к ужесточению существующих правил, что сопровождалось в публицистике высказываниями, подобными следующему: «Комиссия об инородческих школах была вначале также очень немногочисленной, но в ней было смешение племён (до 30 народностей) и лиц, заседал элемент инородческий, крайний и безудержный; доклады были допущены весьма резкого тона, на первых же заседаниях даны такие резолюции, которые можно было вполне истолковать, как инородческое засилье, дошедшее до наглости»⁵⁰.

Впрочем, образовательные войны в Европе в целом были скорее нормой для конца XIX – начала XX века, чем исключением⁵¹, поскольку новые моральные основания нации-государства вступили в конкуренцию с прежними моральными видениями государственного устройства и этнических культур. Не случайно, страсти кипели именно вокруг вопроса о возможности включения в содержание школьного обучения инородческой культуры и языка. На кону этого «поле боя» – возможность определять реальность для следующего поколения. Именно в школе ребенок приближается или отдаляется от религии его родителей, перенимает представления о должном и правильном, согласующиеся или противоречащие тем, которые транслируются ему дома. Потому, если сосуществующие в одном политическом пространстве группы различаются по религии, языку или национальности, то школьное обучение неизбежно попадает в сферу непосредственного интереса каждой группы, выступая как средство сохранения языка, веры и традиций.

Таким образом, хотя создание и поддержание границ (в школах и в других местах) всегда неявно свидетельствует о распределении властных функций, не стоит забывать, что в нормативной базе социальной жизни заложены фундаментальные представления о

⁴⁹ Crawford J. Bilingual Education: History, Politics, Theory and Practice. Los Angeles: Bilingual Educational Services, Inc. 1991. 204 p. P.12-13.

⁵⁰ Народное Образование, 1914, № 1, стр.93, цит по: Зеленко В. Инородческая школа в педагогической печати / Тумим Г.Г., Зеленко В.А (ред.), Инородческая школа. Сборник трудов и материалов по вопросам инородческой школы. М., 1916. С. 178-203. С.180.

⁵¹ Clark C., Kaiser W. (eds.), Culture Wars: Secular-Catholic Conflict in Nineteenth-Century Europe. New York: Cambridge University Press. 2003. 380 p.

природе добра, которые поддерживают широкий спектр мотивов, а также формируют ряд возможных альтернатив для индивидуальных и коллективных действий. Эти представления постоянно подвергаются нападкам, сопротивляются, переосмысливаются, и школы являются одним из самых важных учреждений для этой работы. Формирование и легитимация образовательных программ или «скрытого учебного плана» захватывают куда более глубинные уровни и работают на решение существенно более масштабных задач, нежели укрепление существующих социальных неравенств. Образовательная программа и учебная книга затрагивают глубинные структуры моральной жизни: на этом уровне формируются социальный порядок и дискурс, в котором люди осмысливают значение своего мира – как правило, латентные представления о природе человека и мира. Результат такого осмысления, разумеется, будет не только иметь глубинные последствия для молодежи, но окажет влияние и на качество жизни общества в целом.

Государственное обучение в России всегда было проектом в рамках управления многообразием: и в имперский, и в советский периоды, и на современном этапе школы воплощали и воплощают разные стратегии управления разнообразием, а точнее – совладания с культурным плюрализмом. Поскольку репрезентация этнокультурной проблематики в образовательной сфере предполагает выстраивание системы социальной стратификации, которая воспроизводится в повседневных взаимодействиях на протяжении поколений, важно проследить, каким образом формируется образ «инородцев»/представителей этнических меньшинств в литературе, предназначенной для обучения представителей доминирующей культуры, и как этот образ трансформируется в разные периоды отечественной истории. Особое внимание имеет смысл сосредоточить на учебной литературе для младших школьников, поскольку именно в младшем школьном возрасте у детей, принадлежащих к группе большинства⁵², развивается и приобретает системный характер этнокультурная осведомленность и складывается этническая идентичность⁵³.

Современные программы для начальной школы включают курс, рамки которого позволяют познакомить детей с культурным многообразием страны и мира – «Окружающий мир». Посмотрим далее, каким образом эта возможность реализуется, представляя материал в сопоставлении с учебниками советского и дореволюционного периодов.

⁵² У детей представителей меньшинств это происходит, как правило, несколько раньше.

⁵³ Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник. Издание 4-е, испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2009. 368 с.

*Репрезентация «иностранцев» в учебниках по предмету «Окружающий мир»/
«Природоведение»*

Обращение к анализу содержания учебников по предмету «Окружающий мир» требует некоторых предварительных комментариев, связанных с тем, что ни в дореволюционной, ни в советской России подобного предмета не существовало. В досоветский период в школе на протяжении нескольких лет велось обучение географии, отечество- или родиноведению, но поскольку эти курсы преподавались на более старших ступенях, далее они будут упомянуты лишь вскользь. Непосредственным же предшественником современного «Окружающего мира» может считаться «Природоведение» последнего двадцатилетия советской истории и начала постсоветской⁵⁴. Поскольку «Окружающий мир» с конца 1990-х годов заменил в программе начальной школы «Природоведение», мы сравниваем контент учебников именно по этим предметам, учитывая, что их содержание различается довольно существенно. Сопоставление учебников, относящихся к двум разным эпохам, представляет особенный интерес, поскольку, с одной стороны, воспитание любви к родине и чувства гордости за свой народ фигурирует в качестве важнейшей задачи преподавания и «Окружающего мира», и «Природоведения»⁵⁵. С другой – судя по декларируемым ценностям и целям начального образования в целом, понимание «народа» в учебниках разных периодов должно принципиально различаться. В отличие от учебников по литературе или обществознанию, включающих темы, напрямую связанные с воспитанием «гордости за свой народ», учебники естествознания, акцентируют внимание на других вопросах. Сведения об этнических культурах, хозяйственной «специализации» населяющих страну народов в советских учебниках оказываются лишь пришедшимися «к случаю» дополнениями магистральной линии повествования о живой и неживой природе, и действуют скорее на периферии сознания ребенка⁵⁶. Учебники постсоветского периода

⁵⁴ В 1930е – 1940е гг. курс назывался «Естествознание», с конца 1940х и в 1950е – «Неживая природа», с 1960х и до 1998 г. – «Природоведение». В разные периоды курс изучался в различных классах – третьих, четвертых, пятых. Мы обратим внимание в данной статье на издания 1970х – начала 1980х гг.

⁵⁵ «Непосредственно рядом с задачей воспитания завоевателей природы стоит перед преподавателем почетнейшая задача воспитания чувства любви к нашей Родине и гордости за ее силу и мощь» (Павлович С.А. Практика преподавания естествознания в начальной школе. Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР. Ленинград, 1939. 176 с. С. 4).

⁵⁶ «Естествознание содействует развитию чувства патриотизма. Учащиеся, знакомясь с ландшафтом родной страны, с ее природными богатствами, узнают о том, как советские люди отвоевывают от пустынь миллионы гектаров земли и превращают их в цветущие долины, изменяют направление и течение рек <...> В связи с изучением темы «Тело человека и уход за ним», учащиеся узнают об огромной заботе партии и правительства о здоровье трудящихся, особенно детей, и приобретают законное чувство гордости за свою социалистическую Родину, за героизм советского народа» (Маркин В.И. Объяснительное чтение по естествознанию в начальной школе. Пособие для учителей начальной школы. М., Ленинград: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1953. 204 с. С. 3).

включают разделы, реализующие прямо поставленные учебной программой задачи: сформировать у ребенка «уважительное отношение к другим народам, живущим на Земле» (2 класс), развить умение «объяснять своё отношение к родным и близким людям, к прошлому и настоящему родной страны» (3 класс), «объяснять различия между людьми современного человечества: отличать граждан разных государств; национальность человека от его расы; верующих разных религий и атеистов» (4 класс)⁵⁷.

Основной вопрос нашего исследования: какого рода моральные мотивы лежат в основе транслируемых младшим школьникам представлений об этнокультурных общностях и какого рода моральный порядок актуализация этих мотивов способна выстраивать?

Описание эмпирической базы, процедуры и основных полученных результатов можно найти в ранее опубликованной работе, посвященной анализу значений, в которых понятие «народ» употребляется в учебной литературе для младших школьников⁵⁸. Не останавливаясь здесь на результатах, так или иначе освещенных ранее, рассмотрим потенциальные следствия репрезентации этнокультурных меньшинств в том ключе, который принят педагогическим дискурсом.

В досоветский период, как отмечает Г. Тумим, в рамках школьного курса географии учащиеся довольно подробно знакомились с физико-географическими особенностями страны, ее флорой и фауной, экономикой и достопримечательностями отдельных районов и городов, и т. д.; население же страны, и особенно – инородцы, представлялись в учебниках скудно и скучно: «Дети узнают о пестроте этнографического состава населения Империи, запоминают “приличный случаю” сухой – номенклатурный и цифровой материал, как обязательный минимум, и дальше этого не идут. Того, что должно было бы составить основное содержание главы о населении, а именно этнографически-бытовых характеристик, ярких, красочных и верных, они здесь не находят, не получают (за редкими, конечно, исключениями) ни от учителя, которому

⁵⁷ Вахрушев А.А., Данилов Д.Д., Раутиан А.С., Тырин С.В. Программа «Окружающий мир» (для четырехлетней начальной школы) / Эл. ресурс: http://schuv1965.mskobr.ru/files/files/%D0%9F%D1%80_%20%D0%BE%D0%BA%D1%80_%D0%BC%D0%B8%D1%80.pdf (дата обращения: 12.10.15).

⁵⁸ Детальное описание эмпирической базы, процедуры и основных полученных результатов можно найти в ранее опубликованной работе (Козлова М.А. Учебная книга как инструмент закрепления морального порядка и управления многообразием: употребление категории «народ/этнос» в учебниках «Природоведение» и «Окружающий мир» // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. № 4. С. 583-598.), посвященной анализу значений, в которых понятие «народ» употребляется в учебной литературе для младших школьников. Не останавливаясь здесь на результатах, так или иначе освещенных ранее, рассмотрим потенциальные следствия репрезентации этнокультурных меньшинств в том ключе, который принят педагогическим дискурсом.

недосуг “размазывать курс”, ни из учебника, где все, что “необязательно”, либо изложено кое-как и напечатано петитом, либо предусмотрительно пропущено»⁵⁹.

Что касается обращения к этничности в учебниках советского периода – оно случается нечасто: *«С давних времен в тундре живут ненцы. Их главное занятие – оленеводство... Ненцы занимаются не только оленеводством, но и охотой на песцов, волков и других зверей, на птицу»*; *«С давних времен в наших пустынях живут трудолюбивые, мужественные народы: туркмены, узбеки, таджики, киргизы, казахи»*⁶⁰. В приведенных примерах очевидны следующие характеристики: (1) привязка народа-этноса к территории проживания, (2) профессиональная специализация, посредством которой «традиционные» виды деятельности позиционируются как единственно возможные, (3) определенность и непроницаемость этнических границ (обусловленные привязкой к природно-климатическим и социально-экономическим условиям). Очевидно, что подразумеваемый под «народом» этнос во всех приведенных примерах выступает в том примордиалистском смысле, который вкладывали в него классики советской этнографии: «исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксируемом в самоназвании (этнониме)»⁶¹. Закономерно, что народы-этноты упоминаются в связи с традиционными способами природопользования лишь в тех параграфах, которые посвящены описанию природно-климатических зон (тундра, пустыня).

В постсоветских учебниках различные формулировки понятия «народ» («этнос») демонстрируют полное соответствие приведенному выше определению Ю.В. Бромлей:

*«Многие народы населяют Россию: татары, коми, башкиры, карелы, удмурты и другие. Большую часть населения нашей страны составляют русские»*⁶².

«Частью общества является и народ, к которому ты принадлежишь. На Земле насчитывается до 5 тысяч различных народов. Среди них русские, украинцы, белорусы, англичане, французы, немцы и многие-многие другие. В одной только России 160 народов.

⁵⁹ Тумим Г. Детская литература об инородцах; Библиографический указатель детской литературы об инородцах. Статьи об инородцах в хрестоматиях и книгах для классного чтения / Тумим Г.Г., Зеленко В.А (ред.), Инородческая школа. Сборник трудов и материалов по вопросам инородческой школы. М., 1916. С.203-222. С.204.

⁶⁰ Скаткин М.Н. Природоведение. Учебное пособие для 3 класса. М.: Просвещение, 1971. 251 с. С.77-78.

⁶¹ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 440 с. С.7.

⁶² Плешаков А.А. Мир вокруг нас: учеб.для 1 кл.нач.шк. М.: Просвещение, 2009. 127 с. С.37.

У каждого народа свой язык, свои национальные костюмы, свои сказки, песни, танцы; представители многих народов различаются цветом кожи, чертами лица»⁶³.

«В России живет более 100 народов. Каждый человек принадлежит какому-нибудь народу, имеет одну национальность. Один – русский, другой – татарин, третий – эвек, четвертый – башир. Больше всех в нашей стране русских»⁶⁴.

В приведенных примерах подразумевается – указанием на определенность этнической принадлежности индивида – необходимость этнической идентификации и самоидентификации. Предлагаются и критерии: язык, фольклор, расово-антропологические признаки – по которым можно (а) однозначно категоризировать индивидов, (б) оценить степень гомогенности группового состава.

В визуальном материале – на фотографиях – «неевропейские» народы представляются как вполне доброжелательные (улыбающиеся) люди, но всегда – в определенных природных условиях. Видимо, таким образом составители учебников, используя изображение субъекта на просторах родной земли, демонстрируют «модернизированным» школьникам экологическую оправданность внешнего вида представителей «иных» культур. Казалось бы, отсюда прямая дорога к формированию интереса к другим культурам и стремлению их понять... И вроде бы и дети, и взрослые признают и вкусность национальных блюд, и нарядность национальных одежд, и красоту этнической музыки (но с удовольствием обедая в ресторанах восточной кухни, поддерживают идеи «Россия для русских», «Москва для москвичей»).

Возможно, корень противоречия кроется именно в образах «привязанного к интерьеру» чужака, которые, формируя феномен «boutique multiculturalism», тормозят желание контактировать с иными культурами на уровне потребительского запроса. Востребованность модных аксессуаров или гастрономических изысков абсолютно не корреспондирует с отношением к людям – носителям этих иных культур. Если понимание поведения другого человека сводится к приобретению знаний о традиционной культуре его народа, то вопросы о том, насколько сам индивид-«носитель культуры» в эту традиционную культуру интегрирован, чем именно мотивируется его поведение – «культурными ценностями», ситуативными влияниями, личностными диспозициями и пр., вообще не ставятся (ни перед школьниками, ни перед самими авторами учебников).

⁶³ Плешаков А.А. Мир вокруг нас: учеб. для 3 кл. нач. шк. В 2 ч. Ч.1 М.: Просвещение, 2009. 177 с. С.17.

⁶⁴ Виноградова Н.Ф., Калинова Г.С. Окружающий мир: Учебник для учащихся 2 класса общеобразовательных учреждений. М.: Вентана-Граф, 2007. 214 с. С.81.

Объективация дифференцирующих этнические группы признаков создает в российских учебниках почву для утверждения дискриминационного дискурса, а посредством него – и для утверждения дискриминационных практик.

Так, в комплекте учебников издательства «Вентана-Граф» изображение «свободы вероисповедания» как картинки-модели православия (рис. 1), представляет собой, по сути, квинтэссенцию позиции авторов комплекта относительно «культуры» и исторического пути России, поскольку за исключением разового упоминания факта этнического многообразия в учебнике для 2 класса⁶⁵, во всем комплекте (1-4 класс) речь идет об обретении потомками древних славян государственности и о развитии этого государства. Современная Россия представляется как наследница культурных традиций славян.

Рисунок 1 - Иллюстрация к статье о гарантированных Конституцией РФ свободах⁶⁶.

Анализируя текстовый и визуальный контент учебников начала 2000-х годов для начальной школы, мы сталкиваемся с отражением сложившейся еще в царский имперский период и закрепившейся в советское время ориентации на построение вертикального иерархического общества, основой которого оказывается принцип этнокультурной дифференциации. Составители учебников, пытаясь реализовывать концепцию «диалога культур», ставят перед собой, безусловно, благородные цели. Однако транслируемые идеи оказываются по своему содержанию расистскими. Это не «тот» «традиционный» расизм, который предполагает разделение человечества на биологически различающиеся группы, это «новый», «символический расизм», который вообще обходится без понятия «раса», однако предполагает объективацию характеристик, позволяющих дифференцировать социальные группы. Наиболее «говорящим» обозначением современного расизма представляется термин «дифференциалистский расизм»⁶⁷, который подчеркивает

⁶⁵ Виноградова Н.Ф., Калинова Г.С. Окружающий мир: Учебник для учащихся 2 класса общеобразовательных учреждений. М.: Вентана-Граф, 2007. 214 с. С.81.

⁶⁶ Виноградова Н.Ф., Калинова Г.С. Окружающий мир: Учебник для учащихся 4 класса общеобразовательных учреждений. М.: Вентана-Граф, 2009. 314 с. С.151.

⁶⁷ См. подробно: Шнирельман В. «Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма. В 2-х тт. М.: Новое литературное обозрение, 2011. Т. 1. 552 с., Т. 2. 848 с.

неустранимость и непреодолимость различий, существующих между Своими и Чужими. Таким образом, объективация дифференцирующих признаков неизбежно «уводит дальше», к выстраиванию групп в определенную иерархию – по признакам пола, возраста, национальности, вероисповедания и проч.

В советский период отечественной истории принцип иерархичности реализовывался через предоставление «титульным» народам особых прав – иметь свои издательства, Академии наук, университеты и проч. – и, следовательно, «формировать» свою историю (имеется в виду сфокусированность научных трудов и учебников по истории отдельных субъектов федерации на истории титульных народов, а не соответствующих территорий⁶⁸), что предполагало отказ в этих правах иным – нетитульным – народам. Та же идея, как видно, реализуется и в некоторых программах/комплексах учебников постсоветского периода. В общем-то очевидно, что доминирующее значение и повышенное внимание, уделяемое одним народам в ущерб другим, должно соответствовать интересам доминирующих («титульных» народов в советское время/ русских в современной России) групп. Меньшинства при этом оказываются в постоянно воспроизводимом и поддерживаемом состоянии страха ассимиляции – поглощения доминирующими группами-субъектами и творцами истории. Эта угроза порождает потребность защищаться через отстаивание собственной уникальности, побуждая сами меньшинства принимать тот эссенциалистский взгляд на этнос, который навязывается элитами. В результате, и представители доминирующих групп, и представители «меньшинств» оказываются убеждены в объективности, а, следовательно – в неустранимости различий между ними и в справедливости сложившегося иерархического социального порядка.

Отмеченные аспекты, касающиеся социальной стратификации и неравенства, доминируют в социологическом анализе процесса образования. Однако исследования последнего времени создают пространство для новых идей и различных исследовательских направлений в рамках социологии образования. Так, Дж. Дилл и Дж. Хантер предлагают нео-дюркгеймовский подход к пониманию конфликта в сфере образования, который сами оценивают как «возможно, провокационный, но перспективный»⁶⁹. При всех связях с экономическими и политическими интересами, мораль в этой модели понимается как обладающая собственной энергией, логикой,

⁶⁸ Шнирельман В. Советский парадокс: расизм в стране «дружбы народов»? / Е. Деминцева (ред.), Расизм, ксенофобия, дискриминация. Какими мы их увидели... М.: НЛЮ, 2013. С.97-115.

⁶⁹ Dill J.S., Hunter J.D. Education and the Culture Wars. Morality and Conflict in American Schools / In S. Hitlin, S. Vaisey (eds.), Handbook of the Sociology of Morality, Handbooks of Sociology and Social Research, Springer Science+Business Media, LLC 2010 P. 275- 291. P. 288.

структурой, эволюцией и направленностью. Применительно к образованию такая модель позволяет рассматривать конфликт на менее очевидном уровне нормативности, который авторы предлагают именовать глубинными структурами моральной жизни. Это уровень, в котором люди осмысливают значение своего мира. По сути, авторы теории моральных мотивов Р. Янофф-Балмен и Н. Карнес, утверждая существование двух групппоориентированных моральных систем – социального порядка и социальной справедливости, подчеркивают, что для обеих целостность и интересы группы первичны, но способы их обеспечения значительно различаются⁷⁰.

Социальный порядок согласуется с эссенциалистской теорией групп, основанной на признании необходимости гомогенности группового состава, непроницаемости групповых границ и важности общей идентичности (определяющей маркеры тождественности). Иерархия и гомогенность (характеристики группы), лояльность и конформность (характеристики отношения индивидов к группе), способствуют увеличению ценности ожидания, ощущения и переживания порядка и безопасности. Для целей защиты и предотвращения вреда одной из основных задач запрещающей групппоориентированной морали и становится определение тех, кто включен и кто не включен в группу, что сочетается с «крайней бдительностью в поиске предателей»⁷¹.

Единство группы может поддерживаться обеими системами моральной регуляции – как через конструирование ее сущности (подчеркивание значимости членства), так и путем динамического конструирования (подчеркивание значимости взаимодействия)⁷². Однако при этом, две групппоориентированные этики обеспокоены различными социальными вопросами: социальная справедливость – накоплением и сохранением общественных благ, включая решение вопросов, связанных с экономическими ресурсами и возможностями. А социальный порядок – регуляцией образа жизни, предполагающей контроль над более «личными» вопросами, в том числе вопросами религиозной веры и этнической самоидентификации⁷³. Не удивительно, что две групппоориентированные моральные системы связаны с разными акцентами на межгрупповых границах и на разных основаниях возводят здание социальной сплоченности.

⁷⁰ Janoff-Bulman R., Carnes N.C. Surveying the Moral Landscape: Moral Motives and Group-Based Moralities // *Personality and Social Psychology Review*. 2013. №17(3). P. 219–236.

⁷¹ Graham J., Haidt J., Nosek B. Liberals and conservatives use different sets of moral foundations // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. №96. Pp. 1029–1046. P. 1038.

⁷² Rutchick A.M., Hamilton D.L., Sack J.D. Antecedents of entitativity in categorically and dynamically construed groups // *European Journal of Social Psychology*. 2008. № 38. P. 905–921.

⁷³ Janoff-Bulman R., Sheikh S., Baldacci K.G. Mapping moral motives: Approach avoidance, and political orientation // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2008. № 44. Pp. 1091–1099.

Трансляции моральных механизмов социальной сплоченности в учебном тексте советского и постсоветского периодов

Организация исследования

В поисках ответа на центральный вопрос исследования – «Каковы механизмы и моральные основы внутригрупповой сплоченности, предлагаемые детям «взрослым» обществом в разные исторические периоды?» - мы обращаемся к рассмотрению репрезентации в школьных учебниках концепта Мы, и ставим несколько более локальных вопросов, решение которых представляет собой этапы/задачи анализа контента учебников для начальной школы советского и постсоветского периодов: Кто такие Мы в школьных учебниках: кого и по какому принципу объединяет эта идентификация? Какими признаками наделяются и какие поступки совершают представители групп, в отношении которых это понятие употребляется?

Эмпирическую базу исследования составили учебники чтения советского («Родная речь» 1-3 класс. 1974-1980 г.) и постсоветского («Литературное чтение» 1-4 класс. 2008-2013 г.) периодов, выпущенные одним издательством – «Просвещение».

Выполнение указанных задач потребовало двухступенчатой кодировки всех случаев употребления категории Мы в учебниках литературного чтения для начальной школы:

- в зависимости от того, в отношении кого/по какому поводу употребляет герой местоимение Мы (+ «нас», «наш» и проч.), каждый случай относился к категории, подразумевающей социальную институцию: семья, дружеская группа, профессиональное/учебное сообщество, этническая общность, согражданство, локальное сообщество и т.п.;

- в зависимости от контекста каждая единица относилась к укрупненной категории с учетом того, какое моральное основание⁷⁴ в том или ином произведении или фрагменте доминирует – Справедливость, Забота, Вертикальность, Лояльность к Своим, Почитание священных для группы объектов.

Подсчитывались не единичные случаи употребления категории Мы, а тексты (в случае, если 1 текст = 1 моральное основание) или фрагменты (если 1 текст = несколько моральных оснований). В комплекте советского периода в анализ включено 273 фрагмента, в комплекте постсоветского периода - 159.

⁷⁴ Haidt J., Joseph C. The moral mind: How 5 sets of innate moral intuitions guide the development of many culture specific virtues, and perhaps even modules / In P. Carruthers, S. Laurence & S. Stich (eds.), The innate mind. New York, NY: Oxford University Press, 2007. P. 367-391.

Далее представим полученные результаты, последовательно обсудив, во-первых, динамику репрезентаций разных социальных общностей, запечатанных в местоимение Мы, и, во-вторых, динамику ориентиров, транслируемых обществом подрастающему поколению в качестве моральных оснований социальной сплоченности.

Кто Мы?

Исходная идея исследования заключается в том, что случаи использования местоимения Мы героями включенных в учебник произведений отражают те типы социальных общностей, идентификация с которыми предлагается ребенку в качестве нормативной. Ответ на вопрос «Кто такие Мы?» в учебниках для начальной школы становится особенно очевидным при сравнении контента учебников, относящихся к разным периодам отечественной истории (таблица 4).

Таблица 4 - Категоризация употребления Мы в учебниках советского и постсоветского периодов

Категории употребления Мы	Советский период				Постсоветский период				
	1 кл	2 кл	3 кл	Всего*	1 кл	2 кл	3 кл	4 кл	всего
Человечество**	9	5	5	19/7	7	10	7	8	32/20
Сограждане/советский народ/россияне	22	40	40	102/37			1	6	7/4
Трудящиеся, в т.ч.	8	12	12	32/12			3	5	8/5
Конкретный трудовой коллектив	2	3	2				3	5	
Интернациональный союз трудящихся	2	3	4						
Военная сила (армия), в т.ч.	9	7	16	32/12				7	7/4
Конкретный боевое подразделение	1	0	0						
Революционеры	0	1	13						
Этническое сообщество	1	1	1	3/1			3	1	4/3
Локальное сообщество	2	5	4	11/4	1		1	4	6/4
Школьники, в т.ч.	8	3	9	20/7	2	1	4	4	11/7
Детская организация (октябрята, пионеры)	6	2	3						
«Неорганизованные» дети	5	2	1	8/3				3	3/2
Семья	16	10	6	32/12	5	11	9	21	46/29
Друзья***	3	4	7	14/5	6	15	10	4	35/22

Примечание: * Число текстов, подпадающих под указанную категорию, в полном комплекте учебников/доля (%) от общего числа текстов, включенных в анализ; ** К категории «человечество» отнесены те случаи употребления «Мы», где отчетливо прослеживается специфика человеческой сущности в сопоставлении с природой: либо через единение (человек как часть природы), либо через противопоставление человека и природы; *** В эту категорию включены тексты, где дружеские отношения между персонажами четко определены употреблением понятия «друг» (независимо от возраста). Они не входят в другие категории.

Данные, представленные в таблице 4, свидетельствуют, что в учебниках постсоветского периода по сравнению с советскими, существенно снизилась интенсивность применения местоимения Мы в отношении согражданства, трудовых сообществ и военизированных образований, и возросла в отношении человечества в целом, семьи и дружеской компании. Очевидно, что сообщества политико-идеологического характера в современных учебниках почти или совсем не представлены. Это естественно в отношении детских организаций советского периода – октябрят и пионеров, и сообществ «борцов революции» - политических лидеров революционного движения и военизированных объединений рабочих и крестьян. Однако «согражданство» как модель социальной идентификации также практически исчезло из учебников. Хотя в таблице 4 указаны шесть случаев использования Мы в отношении «согражданства» (учебник для 4 класса), это «согражданство» принципиально отличается по сути от «согражданства» советского периода. Пять из шести случаев зафиксированы в былинах, соответственно, под Мы герои подразумевают территориально-политические образования времен Киевской Руси и начальных этапов существования Княжества Московского. Таким образом, на весь комплект современных учебников приходится лишь два случая употребления Мы в отношении государства, гражданином которого ребенок-читатель является. Это свидетельствует об исключении гражданской идентичности из набора нормативных моделей, предлагаемых ребенку взрослым сообществом. Освободившееся таким образом место занимает модель самоидентификации с человечеством в целом. Эта категория в постсоветских учебниках отличается от советских не только количественно, но и качественно – расстановкой иных акцентов в представлении отношений человека и природы: если в учебниках советского периода абсолютно доминирует модернистский идеал отношения к природе – основанный на преобразовании природы в интересах человека – то в постсоветских учебниках появляются и тексты, транслирующие постмодернистскую ориентацию на бережное/помогающее отношение человека к природе, частью которого он является⁷⁵.

Обратим внимание на вторую тенденцию, отраженную в таблице 4: если в советский период в качестве нормативных объектов социальной идентификации предлагались, преимущественно, сообщества макроуровня – государство, трудящиеся, пионерская организация и т.п., то постсоветские учебники предлагают, преимущественно, первичные группы – семью и дружескую компанию. Констатируя закономерность этого

⁷⁵ Козлова М.А. Конфликт экономических и проэкологических ценностей: варианты разрешения в школьных учебниках и в сознании современных россиян / В.Г. Безрогов (ред.), Учебники детства. Из истории школьной книги VII - XXI веков/ Вып. 13. М.: РГГУ, 2013. С. 241-258.

перехода от ориентации на общности макроуровня к признанию приоритета влияния малых социальных групп в результате все возрастающей индивидуализации ценностей и образа жизни россиян, мы задаемся вопросом о направлениях трансформаций моральных основ групповой сплоченности. Ответ на него попытаемся получить в ходе анализа моральных ориентиров, представленных в качестве оснований сплочения сообществ разного типа, в учебниках по литературному чтению советского и постсоветского периодов.

Во имя чего Мы вместе?

Вполне естественно, что не во всех текстах, использованных на первом этапе анализа, общность, подразумеваемая под местоимением Мы, репрезентируется с некой моральной нагрузкой. Моральные основания, позволяющие ответить на вопрос, вынесенный в заголовок данного параграфа, т.е. отражающие нормы и ориентации, направленные на сплочение группы, выявлены в 149 текстах в учебниках советского периода и в 69 текстах в постсоветских учебниках. Отталкиваясь от набора моральных оснований, предложенного Дж. Хайдтом с коллегами⁷⁶, мы постарались определить, какие из них представляются в качестве основ сплоченности тех групп, которые подразумеваются под местоимением Мы (таблица 5).

Таблица 5 - Сплачивающие моральные основания в учебниках советского и постсоветского периодов

Категории употребления Мы	Советский период				Постсоветский период				
	1 кл	2 кл	3 кл	всего	1 кл	2 кл	3 кл	4 кл	Всего*
Справедливость	5	2		7	2	1		1	4
Забота	13	10	10	33	3	6	5	6	20
Вертикальность	9	6	6	21				2	2
Лояльность к «Своим»	20	23	37	80	5	9	12	17	43
Почитание священных для группы объектов	10	15	16	41				5	5

Примечание: *В данном случае исчисление доли (%) от общего числа текстов невозможно, поскольку в анализ включено меньше ста текстов из учебников постсоветского периода

Данные, представленные в таблице 5, свидетельствуют, что не только основания, напрямую относимые к числу сплачивающих, могут выполнять эту функцию. Мы видим существенный вклад заботы в объединение группы. Это не вызывает удивления в отношении учебников постсоветского периода, поскольку в них доминируют первичные

⁷⁶ Haidt J., Joseph C. The moral mind: How 5 sets of innate moral intuitions guide the development of many culturespecific virtues, and perhaps even modules / In P. Carruthers, S. Laurence & S. Stich (eds.), The innate mind. New York, NY: Oxford University Press, 2007. P. 367-391.

социальные группы (таблица 4), а в непосредственных межличностных отношениях именно забота и справедливость признаются основными моральными регуляторами. Если Своими в постсоветских учебниках предлагается считать, в первую очередь, членов семьи и друзей, то грань между моральными основаниями лояльность к своим и забота становится абсолютно прозрачной: ребенок, представленный в текстах и визуальном материале российских учебников, ориентирован на интересы своего непосредственного окружения – семьи, и в разных контекстах воспроизводит семейную модель отношений. Приведем пример, демонстрирующий, каким образом конструируется в учебной литературе для младших школьников образ своей группы, помощь и поддержка внутри которой признаются одной из ведущих добродетелей: в рассказе Д.Н. Мамина-Сибиряка «Приемыш» старик понимает тоску молодого лебедя и, как ни хотелось бы ему, руководствуясь как эгоистическими мотивами, так и заботой о лебеде, удержать птицу, отпускает его к стае⁷⁷, полагая переживание причастности к группе Своих достаточным моральным основанием для того, чтобы оставить человека, оказавшего помощь и ставшего другом.

Существенная доля «заботы» в наборе группоориентированных моральных оснований в учебниках советского периода требует пояснений. Забота в советской идеологии, а именно идеология в советский период стала основным реально действующим механизмом социальной регуляции, выступает в качестве центральной категории, сквозь призму которой рассматриваются отношения между государством и гражданами⁷⁸. Так, Е. Богданова иллюстрирует это положение, кроме прочего, указанием на то, что в тексте Конституции СССР категория «забота» встречается 12 раз, определяя характер и правила отношений между разнообразными объектами и субъектами: государственная концепция общественных отношений выражена следующим образом: «Советское общество — это общество, законом которого является *забота* всех о благе каждого и *забота* каждого о благе всех»⁷⁹.

При этом категория заботы репрезентируется в самых разнообразным смыслах и отношениях, что, безусловно, приводит к размыванию смысла категории. В категории заботы, по сути, «схлопываются» вообще все моральные основания: мораль заботы

⁷⁷ Голованова М.В., Горецкий В.Г., Климанова Л.Ф. Родная речь: Учеб. по чтению для учащихся. нач.шк. В 3 кн. Кн.3. Для 4 кл. Ч.2. М.: Просвещение, 2011. 256 с.

⁷⁸ Михайловская И. Концепция прав человека и их значение для посткоммунистической России // Российский бюллетень по правам человека. Выпуск 9. М.: Институт прав человека, 1997 / Эл. ресурс: <http://www.brights.ru/text/b9/Chapter5.htm> (дата обращения: 17.04.2015); Богданова Е.А. Советский опыт регулирования правовых отношений, или «в ожидании заботы» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. IX. № 1 (34). С. 77-90.

⁷⁹ Конституция СССР 1977, цит. по Богданова Е.А. Советский опыт регулирования правовых отношений, или «в ожидании заботы» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. IX. № 1 (34). С.77-90.

становится неотличимой от лояльности к Своим, справедливости, почитания авторитета. В результате, «забота», которая в современной психологии представляется в качестве моральной нормы, регулирующей межличностные отношения, взаимодействия в первичных группах, превращается в идеологический механизм социальной регуляции. Впрочем, некий «флер» классической интерпретации сущности заботы остается – это норма отношений, в первую очередь, внутрисемейных, а при том, что в советской идеологии границы семьи раздвигаются настолько, что охватывают весь советский народ, логично, что основным принципом реализации заботы становится принцип патернализма. Забота становится а) тотальной («всепроникающей» и «непрерывной»), б) основанной на четкой социальной иерархии (субъект всегда сильнее и могущественнее), в) ориентированной на воспроизводство субъект (тот, кто заботится) – объектных (о ком заботятся) отношений⁸⁰, что естественным образом приводит к диффузии ответственности «объекта», который, освобождаясь от ответственности, «освобождается» и от прав.

Из данных, представленных в таблице 5, следует, что ведущую роль в формировании групповой сплоченности играет основание лояльность к Своим. В советских учебниках ее интегративный потенциал усиливается действием оснований - вертикальность и почитание священных для группы объектов. В постсоветских учебниках эти коллективистские, ориентированные в полной мере на поддержание целостности группы, моральные основания менее выражены. Впрочем, нечто общее в определении группы и механизмов создания и укрепления групповой сплоченности сохраняется в учебниках разных периодов издания. Это - эксклюзивный принцип формирования групповой идентичности, ориентированный на поиск врага и объединение группы в процессе противостояния «внешней напасти». С. Кин, пишет в книге, посвященной проблемам побудительных мотивов, механизмов и методов формирования «образа врага» в индивидуальном и массовом сознании в современную эпоху: «Сначала мы создаем врага. Образ предворяет оружие. Мы убиваем других мысленно, а затем приобретаем палицу или баллистические ракеты, чтобы убить их физически. Пропаганда опережает технологию»⁸¹. Так «образ врага» становится неременным элементом авторитарно-тоталитарного типа сознания, о чем писал еще Т. Адорно, характеризуя тип, который он определил как «поверхностно-враждебный» - заурядный обыватель некритично

⁸⁰ Богданова Е.А. Советский опыт регулирования правовых отношений, или «в ожидании заботы» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. IX. № 1 (34). С.77-90.

⁸¹ Keen S. «Faces of the Enemy: Reflections on the Hostile Imagination» // Harper & Row, 1986, цит. по: Гудков Л. «Негативная идентичность» // «К теории врага» // Авторский сборник. М.: Новое литературное обозрение, 2004 / Эл. ресурс: <http://psyfactor.org/lib/gudkov1.htm#2> // (дата обращения: 17.04.2015).

воспринимает транслируемые предрассудки: чем хуже ему живется, тем сильнее враждебность⁸².

Известно, что человек фиксирует окружающий мир в своем сознании в виде различных образов, которые могут неточно либо вовсе неверно отражать действительность, окружающую его. При этом создаваемые в человеческом сознании образы в значительной степени определяют его поведение. Отсюда следует, что поведением человека можно управлять, формируя в его сознании нужные образы-представления, поддерживая одни, затеняя другие. Наиболее распространенный способ конструирования образа врага предполагает сочетание двух планов: метафоричного (внеповседневного, отвлеченного), то есть эмпирически не верифицируемого, с одной стороны, и конкретного – с другой. Первый план, не воспринимаемый полностью обыденным сознанием, не совсем понятный, должен рождать, по всей видимости, смутное ощущение сопричастности к великой и таинственной миссии борьбы со злом как таковым. Но, не имея чувственной поддержки и опоры на повседневный опыт, порождаемый метафорическими образами эмоциональный накал рано или поздно истощился бы. Актуализация повседневного эмпирического опыта подпитывает его.

В учебниках советского периода образ врага без преувеличения можно назвать одним из центральных. Достаточно упомянуть хотя бы наличие в учебнике 1980 года издания отдельной темы, посвященной армии (при отсутствии тем, посвященных педагогике или медицине, например). Можно предположить, что в основе такого культа силовых структур лежит травмирующий исторический опыт (Великая Отечественная война), но речь идет о содержании учебника, выпущенного через три с половиной десятилетия после окончания Войны, да и тексты, включенные в соответствующие параграфы, описывают отнюдь не только события военных лет. В учебнике для второго класса больше доля текстов о Великой Отечественной войне – подвигах солдат и мирных граждан, в том числе детей. Тогда как в учебнике для первого класса раздел, посвященный армии, содержит, в основном тексты, повествующие о защите Родины от потенциальных врагов в мирное время. В учебниках советского периода, как и во «взрослой» советской литературе, «враги» чрезвычайно разнообразны. Это и представители бывших привилегированных классов — белогвардейцы, офицеры, капиталисты, священники, и враги периода Великой Отечественной войны — фашисты, и шпионы, засланные в СССР с подрывными целями, и разнообразные этно-«национальные» враги Российской империи – захватчики⁸³. В постсоветской детской литературе из всех перечисленных остается

⁸² Хоркхаймер М., Адорно Т. Дialeктика просвещения. М.-СПб.: Медиум, 1997. 312 с.

⁸³ Более подробную типологию образов врага в советской литературе см. Гудков, 2004.

только один тип – последний, который, впрочем, весьма активно эксплуатируется. Соответственно, моральное основание «лояльность к Своим» в учебниках постсоветского периода раскрывается в рамках той же военизированной тематики.

Мы формируется путем взаимного уподобления людей, то есть действия механизмов подражания и заражения, а Они – путем элиминации этих механизмов. Возможно, именно поэтому образ чужака всегда обезличен – если своих «героев нужно знать в лицо», чтобы получить возможность детального воспроизведения их деяний, то в отношении чужака это не требуется. Другой мыслится и воспринимается через призму его групповой принадлежности (в отличие от Своего, индивидуализированного), что находит выражение в известном принципе межгруппового восприятия «все-они-для-меня-на-одно-лицо». В качестве примеров такой обезличенности можно упомянуть стихотворение И.С. Никитина «Русь»: «татар полчища», «туча темная (с Запада)», включенное в постсоветский период в учебники всех основных издательств учебной литературы. Во включенном в учебник для 4 класса издательства «Просвещение» произведении «Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский во главе ополчения» враг называется лишь в последней строчке, а вся песня описывает подготовку к войне за родную землю, подчеркивая удачу и отвагу русских воинов, их решимость защищать родную землю «всем миром». Очень показательным для формирования солидарности на негативной основе (объединения против кого-либо) то, что противник до последнего момента остается неизвестным – действительно для мобилизации группы, важно только то, что угроза в принципе существует и ей следует противостоять. В учебниках советского периода: «...из-за дыма и огня налетела буржуинская сила...»⁸⁴, «многотысячные армии врагов, пытающиеся задушить государство рабочих и крестьян»⁸⁵.

Близость и дистанцированность как реципрокные качества свойственны в той или иной степени всем формам отношений, однако в случае отношений чуждости между этими двумя полюсами возникает особое напряжение: «У человека, чуждого стране, расе, городу, культуре, подмечаются и акцентируются окружающими не индивидуальные качества, а те общие с другими чужаками свойства, которые у него существуют или могли бы существовать. Именно поэтому чужаки в реальности никогда не воспринимаются как индивидуальности, но лишь как определенные типы чужаков»⁸⁶. С обезличенным, то есть лишенным чувств, переживаний, страданий, не вызывающим, таким образом, сочувствия,

⁸⁴ Васильева М.С., Горбушина Л.А., Никитина Е.И., Оморокова М.И. Родная речь. Книга для чтения в 3-м классе. М.: Просвещение, 1974. 271 с. С. 99.

⁸⁵ Там же. С. 107.

⁸⁶ Simmel G. The Stranger / In D.L. Levine (ed.), Georg Simmel. On Individuality and Social Forms. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1971. P. 143-149. P. 148-149.

злом проще бороться, и образ чужака, соответственно, легче трансформировать в образ врага.

Весомую роль как механизм укрепления сплоченности в советских учебниках играет моральное основание «вертикальность» - почитание авторитетного лица. Роль «авторитетного лица/лиц», почтение к которым транслируется подрастающему поколению в качестве моральной нормы, отдана представителям старшего поколения – носителям советской идеологии, доказавшим свою приверженность ей. В учебниках советского периода модель социальной иерархии сформулирована достаточно определенно. Так, одно из первых стихотворений, с которым знакомится первоклассник: «Мы веселые ребята, / Мы ребята – октябрята. / Так называли нас не зря - / В честь победы Октября... / Старших все мы уважаем, / Слабых мы не обижаем./ Юных ленинцев отряд –/ Октябрятам старший брат»⁸⁷. Здесь подчеркивается идея вертикальной культурной трансмиссии - преемственность в восприятии и развитии определенной идеологии, причем субъектами и источниками этой преемственности видятся не конкретные люди, а социальные группы, и даже обезличенные сущности – значимые для социальной общности символические события («...В честь победы Октября...»). Так что в воспроизводимой в стихотворении системе моральных оснований кроме очевидной вертикальности ощущается также влияние оснований «лояльность к Своим» и «почитание священных для группы объектов». Идеологическая зрелость и политическая грамотность оказываются основными признаками, определяющими авторитетность. То, что «авторитетное лицо», как правило, старше самого учащегося начальной школы, подразумевается, поскольку это «лицо» представляет некую страту в советской социальной иерархии – пионер, комсомолец, коммунист, и крайне редко приобретает какие-либо персонифицированные черты. В учебниках постсоветского периода, напротив, возраст, пожалуй, основной критерий, по которому определяется авторитетность, видимо, будучи ассоциированным с объемом и качеством жизненного опыта. Впрочем, и в том, и в другом случае акцент сделан на вертикальной культурной трансмиссии, устойчивость которой – гарант стабильности социокультурной общности, только в советский период содержанием этой трансмиссии выступает «правильная» идеологическая ориентация, а в постсоветский – куда более абстрактная «народная мудрость», которая, судя по размещенным в учебниках текстам, транслируется преимущественно учителями и старшими родственниками. Таким образом, если в советских учебниках образ авторитетного лица абстрактен, но транслируемые им требования конкретны, то в

⁸⁷ Васильева М.С., Горбушина Л.А., Никитина Е.И., Оморокова М.И. Родная речь. Книга для чтения в 1-м классе. М.: Просвещение, 1972. 128 с. С. 4.

постсоветских учебниках – наоборот: почитать и слушаться ребенку предлагается вполне конкретных людей (круг которых весьма ограничен) – старших родственников, но содержание той информации, которую ребенку следует у них перенять, регламентируется весьма слабо.

В результате проведенного анализа контента учебников для начальной школы советского и постсоветского периодов мы получаем возможность обоснования заявленного в самом начале тезиса – исход «культурной войны» в сфере образования не просто устанавливает социальную иерархию и, таким образом, закрепляет отношения господства, но и предлагает моральное обоснование сформировавшемуся социальному порядку, регламентируя отношения и к Своим, и к Чужим.

Сравнение контекстов и практик употребления понятия «этнос (народ)» в учебниках для начальной школы, относящихся к разным эпохам отечественной истории, продемонстрировало высокую устойчивость характера репрезентации этноса, что свидетельствует о неизменности задач, продиктованных «имперскими» ориентациями отечественной системы образования. В постсоветских учебниках наблюдается та же «привязка» народа-этноса к территории его проживания, что и в учебниках советского времени, та же эссенциализация этноса: приписывание ему фиксированного и неизменного набора свойств, та же незыблемость «объективных» этнических границ. Это наследие советской этнологии далеко не безобидно, на что неоднократно обращали внимание авторы, мыслящие категорию «культуры» в конструктивистской парадигме. Если культура представляется объективным явлением, непосредственно детерминирующим восприятие и поведение индивида, а этносы видятся как обособленные целостности, обладающие не только своими языками, но и «психическим складом», логичным кажется и закрепление этой жесткой данности в принципах политико-административного устройства государства. В результате оправдываются отношения неравенства между «коренными» и «некоренными» народами, «титульными» этносами и прочими, и выстраивается система, в которой гражданская идентичность подменяется этнической. Правда, эта система оказывается полной внутренних противоречий. В политическом отношении эти противоречия и подмены одних понятий другими приводят к тому, что провозглашаемый классовый подход на деле подменяется этнической дифференциацией, идея нациестроительства оборачивается интерпретацией этноса в примордиалистском (эссенциалистском) ключе, «дружба народов» превращается в

дискриминацию по отношению к «нетитульным» и «некоренным»⁸⁸. Однако в советское время подпитываемые этой двойственностью восприятий и отношений дискриминационные идеи и практики не выходили ни в публичный дискурс, ни в повседневное взаимодействие. Они сдерживались не подлежащим критике идеологическим принципом марксистского интернационализма, исключавшим возможность прямой пропаганды идеи этнической/расовой исключительности. Таким образом и реализовывалось «управление многообразием» в советском ключе – т.е. идеологическими, а не политическими силами. Это идеологическое управление апеллировало к застывшим овеществленным категориям, критический пересмотр содержаний которых оказывался совершенно недопустимым. Поэтому, как только исчезли железные скобы идеологии, разрушилось и то наполненное противоречиями квазиединство, которое они поддерживали.

Очевидно, что понятие народа-этноса, так же как рамки и контексты его использования, принципиально не изменились в последние десятилетия по сравнению с советским периодом⁸⁹. Однако уровень ксенофобии увеличился, и если у старшего поколения осталась ностальгия по временам «дружбы советских народов», то молодежь воспринимает напряженность как норму межэтнических отношений. Такое развитие событий вполне закономерно – представление этноса как объективной общности, естественным образом отличающейся от других, неизбежно приводит к росту ксенофобии, позволяет сформироваться дискриминационному дискурсу, от которого до дискриминационных практик уже совсем недалеко⁹⁰. Описанные образы меньшинств органично встраиваются в основанную на принципе исключения модель сплоченности, транслируемую учебной книгой младшим школьникам.

Как мы видели, нормативная модель сплоченности в советское время основывалась на категориях, предполагающих объединение людей в иерархически организованные взаимозависимые социальные группы, которые способны регулировать повседневную жизнь и личные привычки своих членов. Соотнеся это утверждение с теорией моральных

⁸⁸ Шнирельман В. Советский парадокс: расизм в стране «дружбы народов»? / Е. Деминцева (ред.), Расизм, ксенофобия, дискриминация. Какими мы их увидели... М.: НЛЮ, 2013. С. 97-115.

⁸⁹ Как отмечает В. Шнирельман, «современный расизм в России не является результатом полного разрыва с советским прошлым. С одной стороны, он действительно порывает с догмами социалистического интернационализма. Но, с другой, он развивает некоторые идеи, бытовавшие параллельно им в советское время... Поэтому скорее следует говорить о том, что крушение коммунистической утопии и переход к реальному капитализму расчистили дорогу расистским идеям и практикам, не имевшим в советское время необходимого простора для действия» [Шнирельман В. Советский парадокс: расизм в стране «дружбы народов»? / Е. Деминцева (ред.), Расизм, ксенофобия, дискриминация. Какими мы их увидели... М.: НЛЮ, 2013. С. 97-115. С. 114.

⁹⁰ Мукомель В. Роль государства и общества в продуцировании дискриминаций / Е. Деминцева (ред.), Расизм, ксенофобия, дискриминация. Какими мы их увидели... М.: НЛЮ, 2013. С. 195-212.

мотивов, мы видим абсолютное преобладание в советской педагогике репрессивной морали социального порядка, необходимой для обеспечения безопасности социальной общности, защиты от внешних врагов и внутренних противоречий⁹¹. Мораль, основанная на социальном порядке, уделяя значительное внимание единообразию членов группы, нивелирует, в том числе, и те различия, которые важны для членов подгруппы. Таким образом, она согласуется с концепцией «плавильного котла» – ориентацией, которая предполагает не слияние различных, но ассимиляцию отличающихся доминирующей группой. Мораль, основанная на социальной справедливости, признает важность обобщающей категории (например, гражданской идентичности), но принимает существование социальных подгрупп, что, как мы видели, отсутствует в нормативных моделях сплоченности, транслируемых учебниками советского периода.

В медийном пространстве воспроизводятся те же модели сплочения на основе вертикальности и гомогенности: отличия приезжих от местных воспринимаются не как ресурс для развития потенциальных взаимовыгодных отношений, а как вина мигранта, его несоответствие принятым «стандартам». Ассимиляция представляется единственным возможным способом включения в принимающее сообщество, перемещения из разряда «объектов» - временных и легко заменяемых ресурсов в статус субъекта-обладателя прав и обязанностей. Очевидная комплементарность педагогического и медийного дискурсов естественно формирует широкую базу поддержки моделей, воспроизводящих *слабый тип социальной солидарности*, основанный на противопоставлении Своих и Чужих и требовании обороны от влияний со стороны Других посредством исключения их из социальной жизни.

Мы отмечали в постсоветских учебниках существенное снижение определенности характера и содержания воспитательных воздействий, как прямое следствие возросшей (если не появившейся) в постсоветский период вариативности жизненных стратегий и стилей жизни, ценностной разнородности в которую вылилось переживание периода аномии в российском обществе и резкое изменение масштабов тех социальных общностей, которые ребенку предлагается воспринимать как Своих. Однако в сущностных характеристиках эти микрогруппы частично повторяют макрообщности советского периода. Семья, как основная группа, с которой ребенку предлагается идентифицироваться, по сути, замещает «символическую семью» советского периода – единый советский народ: это общность, основанная на кровном родстве и – в репрезентации современных учебников – четкой иерархии. Соответствующие установки

⁹¹ Janoff-Bulman R., Carnes N.C. Surveying the Moral Landscape: Moral Motives and Group-Based Moralities // Personality and Social Psychology Review. 2013. Vol. 17(3). P. 219–236.

сплоченности, поддерживаемые моралью социального порядка, вливаются в формируемую картину мира, где границы четко очерчены, различия непреодолимы, иерархический порядок незыблем. Это утверждает в сознании ребенка модель сплочения Своих во имя противостояния Чужим, что мы и обнаруживаем при анализе предлагаемых современными учебниками механизмов сплоченности на макроуровне. Проведенный анализ продемонстрировал востребованность образа «чужака-врага», активность эксплуатации которого, хотя и снизилась, причем весьма ощутимо, по сравнению с советским периодом, тем не менее, достаточно высока, чтобы продолжать рассматривать этот феномен в качестве одного из основных инструментов внутригрупповой консолидации. В тоталитарных обществах использование образа «врага» жизненно необходимо для поддержания закрытости социокультурной системы, для формирования надежных внутренних барьеров, защищающих от «тлетворных» инородных влияний, с одной стороны, и для формирования установки на уничтожение внутренних врагов. В демократических обществах, основанных на свободе самовыражения граждан и на осознанном принятии «правил», в использовании таких механизмов вроде бы уже нет необходимости. Однако в современных российских учебниках сложившаяся в советский период ориентация на воспроизводство морали социального порядка как основы сплоченности в постсоветских учебниках сохраняется, хотя и меняется масштаб общности, идентифицируемой как Мы.

К сожалению, вряд ли ситуация изменится в ближайшем будущем. Как было продемонстрировано, предлагаемый детям понятийный аппарат и рамки интерпретации используемых категорий не всегда в достаточной мере подвергаются рефлексии самими авторами-составителями учебников, не говоря уже о школьниках, от которых подобной рефлексии ожидать не приходится и в силу возрастных особенностей, и в силу устоявшейся модели организации учебного процесса. Таким образом, используемые в учебной литературе понятия и их, в первую очередь, ценностное наполнение превращаются в некие «учебные модули» – сформировавшиеся и укрепившиеся блоки, которые, с одной стороны, используются для выстраивания целостной системы мировоззрения школьника, с другой – генерируют большое количество более конкретных систем оценивания и поведенческих моделей, которые помогают детям распознавать, быстро и почти автоматически, примеры ценимых в данной культурной среде добродетелей и осуждаемых пороков и, в соответствии с проведенной оценкой, поддерживать или отвергать те или иные практики.

Надежду вселяют зафиксированные в современных учебниках эпизодические и фрагментарные проявления группоориентированной морали принципиально иного типа –

морали социальной справедливости. В первую очередь, областью ее воплощения становится сфера отношений человека и природы. В отличие от учебников советского периода, в постсоветских отчетливо звучат постмодернистские ценности экологической целесообразности, бережного отношения человека к природе, частью которого он является. Именно в этом направлении – через демонстрацию потенциала интеграции с человечеством в целом – современные учебники репрезентируют возможности преодоления оборонительной и репрессивной морали социального порядка как *единственно возможной* основы социальной сплоченности.

Мы отнюдь не настаиваем на необходимости полного отказа от ставшей традиционной для российского образования и общества в целом морали социального порядка, но утверждаем необходимость существенного снижения ее роли и дополнении моралью социальной справедливости. Баланс этих систем, безусловно, возможен: каждая моральная перспектива служит в качестве противовеса другой – внося коррективы в случае, если противная сторона заходит слишком далеко. Здоровое общество сочетает традиции и изменения, стабильность и инновации, а также работает, чтобы защищать и обеспечивать своих членов. Установление указанного баланса совершенно необходимо в случае, если «взрослое общество» задается целью воспитания ответственного поколения, действительно заинтересованного в процветании той социальной общности, которая идентифицируется как Мы.

Сведения об авторах

Баранова Алёна Андреевна - магистрант департамента социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: baranova_alena92@mail.ru).

Волкова Евгения Дмитриевна – студент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Гофман Александр Бенционович – доктор социологических наук, профессор, ординарный профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: agofman@hse.ru).

Карпова Евгения Юрьевна - аспирант департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: karпова_zhenia@mail.ru).

Козлова Мария Андреевна - кандидат исторических наук, доцент департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: makozlova@yandex.ru).

Кононенко Ростислав Вадимович - кандидат социологических наук, старший преподаватель департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: kononenko-rv@mail.ru).

Лазебная Ксения Павловна - кандидат социологических наук, старший преподаватель департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: door123@ya.ru).

Маркина Валерия Михайловна - аспирант Департамента социологии, стажер-исследователь Международной лаборатории анализа образовательной политики, Института образования, Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: leramarkina@yandex.ru).

Николаева Ульяна Геннадиевна - доктор экономических наук, профессор, старший научный сотрудник экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (e-mail: unikolaeva@list.ru).

Николенко Яна Владимировна - магистрант департамента социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: yavnikolenko@edu.hse.ru).

Покровский Никита Евгеньевич - доктор социологических наук, профессор, ординарный профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: npokrovsky@hse.ru).

Присяжнюк Дарья Игоревна - кандидат социологических наук, старший преподаватель департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: daria.prisyazhnyuk@socpolicy.ru).

Рожкова Ольга Андреевна - магистр социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва.

Симонова Ольга Александровна - кандидат социологических наук, доцент департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: osimonova@hse.ru).

Слободенюк Екатерина Дмитриевна - кандидат социологических наук, старший преподаватель департамента прикладной экономики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: eslobodenyuk@hse.ru).

Ярская Валентина Николаевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета (e-mail: jarskaja@mail.ru).

Ярская-Смирнова Елена Ростиславовна – доктор социологических наук, профессор, PhD, главный редактор журнала «Журнал исследований социальной политики», профессор департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: eiarskaia@hse.ru).

Научное издание

Социально-культурные практики сплоченности в современном обществе

Коллективная монография

Редактор *Басипова Д.А.*
Корректор *Нотик А.А.*
Верстка и дизайн *Моисеев А.М.*

ООО Литературное агентство «Университетская книга»

Юридический адрес: 105120, г. Москва,
ул. Нижняя Сыромятническая, д. 5/7, стр. 8.

Почтовый адрес: 111024, г. Москва,
ул. Авиамоторная, д. 55, корп.31.
Тел.: (495) 221-50-16, 981-51-12

Подписано в печать 23.12.2015. Формат 60×90/16.

Печать офсетная. Печ. л. 23,25.

Тираж 500 экз. Заказ №

По вопросам приобретения и издания литературы обращайтесь:

111024, Москва, ул. Авиамоторная, д. 55, корп. 31, офис 305

Тел.: (495) 981-51-12; 955-78-30; +7 (985) 165-36-36

Электронная почта: universitas@mail.ru

Дополнительная информация на сайте <http://www.logos.ru>